

Б И Б Л И О Т Е К А

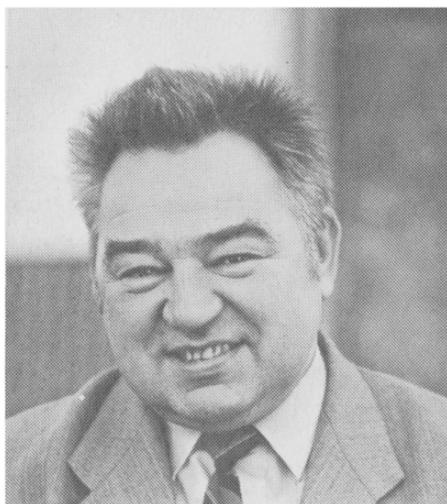
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 29

1989

Георгий ГРЕЧКО

**С Т А Р Т
В НЕИЗВЕСТНОСТЬ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 29

Издается с января 1925 года

Георгий ГРЕЧКО

СТАРТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Георгий ГРЕЧКО

Георгий Михайлович Гречко родился в 1931 году в Ленинграде. С 1955 года после окончания Ленинградского механического института работал в конструкторском бюро, руководимом С. П. Королевым. В отряде космонавтов с 1967 года. В 1975 году участвовал в самом длительном в СССР полете на орбитальной станции «Салют-4», в 1978 году — в самом длительном в мире полете на «Салюте-6», а в 1985 году — на «Салюте-7».

Научная работа в космосе дважды Героя Советского Союза доктора физико-математических наук Г. М. Гречко отмечена различными отечественными, иностранными и международными наградами.

Георгий Михайлович Гречко — заместитель председателя Советского комитета защиты мира.

СТАРТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Бытует мнение, что космонавт большую часть своей жизни проводит в ожидании. Он ждет, когда придет его черед облачаться в космические доспехи и отправляться в полет. В этом есть лишь часть правды — действительно, чтобы провести одну неделю на орбите, приходится иногда готовиться целые годы. Но и на Земле наша профессия требует от человека выносливости, выдержки, большой отдачи. Так что космонавты не «прозябают» от одного космического полета до другого. Поэтому в своих записках я хотел рассказать не только об испытаниях, которые выпали на мою долю в космосе, но и о своих земных дорогах и встречах.

МГНОВЕНИЯ СУДЬБЫ

Мне довелось начинать свою биографию в конструкторском бюро, которое возглавлял Сергей Павлович Королев. Конечно, далеко не каждый день приходилось видеться с Главным конструктором. Но каждая встреча, беседа с Сергеем Павловичем не проходили бесследно — таковы были притяжение его личности, сила его мысли. Сейчас, по прошествии многих лет, мы, «королевцы», всегда повторяем, что многим, очень многим и в своей судьбе, и в жизни обязаны своему учителю. Заметки, которые я предлагаю, — это сохранившиеся в памяти эпизоды о тех встречах, которые, как мне кажется, раскрывают человеческую сущность Главного конструктора.

* * *

Хорошо запомнилась первая встреча с Сергеем Павловичем. Произошла она сразу, как только я, выпускник Ленинградского механического института, пришел в конструкторское бюро.

— Вас приглашает на беседу Главный, — сказали мне. Признаюсь, вначале даже не поверил, — настолько это было неожиданно — руководитель крупнейшей организации хочет побеседовать со вчерашним студентом. О чем?

Помню — я засек время, — мы проговорили почти час. Об учебе в институте, о жизни, о книгах, о театре... Сергей Павлович оказался очень внимательным, доброжелательным собеседником, чувствовалось, что для него это не разговор ради формы, за ним ощущался интерес к новому инженеру его КБ.

Позже я узнал, что Королев, несмотря на свою непостижимую занятость, беседовал практически с каждым новичком. При этом уже при первой встрече он убеждал: если у тебя есть идея, не молчи. Высказывайся, доказывай. Ненавязчиво подводил к убеждению, что из споров может прорасти рациональное зерно, из равнодушия же не родится ничего.

Наверное, поэтому его коллектив всегда был коллективом единомышленников.

* * *

Королев не был мягким человеком. У него был крутой, жесткий, вспыльчивый характер. Все мы, сотрудники КБ, знали: за небрежность, невнимательность спуска не будет никому.

Помню, как-то я шел с приятелем, и ему сказали, что его зовет Королев. На моих глазах мой спутник стал блее бумага. «Что сейчас будет, что сейчас будет», — повторял он.

Но знали мы и другое: Главный отходчив. Однажды, во время разговора со своим ближайшим помощником, который, как оказалось, не выполнил свою работу в срок, Королев взорвался:

— Идите сдайте пропуск. Вы уволены...

Но через два часа раздался звонок от Королева.

— Как идет работа? — спросил Главный.

— Никак. Вы же меня уволили.

— Не говорите ерунды. Не теряйте времени, у вас его и так мало. И дальше Сергей Павлович стал увлеченно говорить о новой задаче. Больше всех от Королева попадало тем, кого он любил.

* * *

Одна из моих первых поездок на полигон началась с ЧП. Я обнаружил ошибку в расчетах. Решение требовалось принять немедленно — через день предстоял старт...

Решился пойти к Главному.

Он спокойно выслушал и поручил мне связаться с Москвой, сообщить о своих сомнениях.

Начальник отдела устроил мне разнос. Смысл высказанного заключался в заявлении, что, дескать, никакой ошибки быть не может, что я молодой специалист и мне в серьезные дела лезть не следует и т.д.

и т. п. Как потом мне стало известно, примерно в этом же духе он дал объяснение и Королеву. Но Главный лишь попросил проверить расчеты.

Я передал данные и в ответ услышал: «Ждите, через час позвоним».

Прошел час, полтора... два часа...

Наконец звонок.

— Действительно, вкралась неточность...

Чтобы не срывать старт, я решил сделать новые расчеты вручную.

Ночью меня разыскал Сергей Павлович:

— Почему не спишь?

— Иначе не успею до утра закончить работу.

— Ну, хорошо, — сказал Сергей Павлович, — работай...

Это был для меня еще один урок — урок доверия.

* * *

Даже те, кто хорошо знал Королева, удивлялись, какие дерзкие, непосильные порой задачи (иначе их просто не назовешь) брался он решать. Буквально на следующий день после триумфа — запуска первого искусственного спутника Земли (4 октября 1957 года) узнаем: к 7 ноября требуется осуществить новый старт, и какой! Запустить в космос спутник с собакой на борту. Для этого нужна герметическая кабина, сложная система жизнеобеспечения животного и многое-многое другое. Только на разработку проекта уйдет не один месяц. А тут отводится на все про все тридцать дней.

Королев прошел в цехи к рабочим. Его речь была короткой:

— У нас важное правительственное задание. И мы не сможем работать, как обычно: сначала проект, потом конструкция, ОТК, испытания... Вам придется работать по эскизам без чертежей, а ОТК будет ваша рабочая совесть.

Рабочий класс не подвел.

Через месяц в космосе была Лайка.

* * *

Однажды Королев собрал нас в кабинете. Мы приготовились к «мозговой атаке» на очередную задачу, однако повод к встрече оказался иным. Главный устроил конкурс на лучшее название конструкции, в которой первому космонавту предстояло облететь Землю. Посыпались предложения:

— Звездолет...

— Ракетолет...

— Космолет...

Все не то.

— Значит, так, — воспользовался Королев своим правом старшего. — Назовем кабину «космический корабль».

Так и вошло во все языки мира очень яркое и точное определение нового вида транспорта — космический корабль.

* * *

В обязанности ночного дежурного входило сидеть в ночное время в кабинете Главного конструктора и отвечать на телефонные звонки, в случае какого-либо значительного ЧП звонить Королеву даже домой.

Главный разрешал ночному дежурному сидеть не в большом кабинете, где обычно он проводил заседания, а в его личном, маленьком. Часто после одиннадцати вечера я занимал место за письменным столом Сергея Павловича. Передо мной лежали его книги, присланные ему статьи, отчеты, рукописи. Они касались самых разных областей науки, техники и даже искусства. В этой маленькой комнате я впервые понял, что Главный, обладавший необычайной эрудицией и широтой взглядов, постоянно много читал, занимался. В этой комнате рождались многие проекты, некоторые из которых были уже осуществлены после его смерти.

* * *

Когда в КБ был создан многоместный корабль, инженеры и конструкторы нашего бюро стали подавать заявления на имя Сергея Павловича с просьбой зачислить в отряд космонавтов. Желающих, понятно, было хоть отбавляй. После медкомиссии осталось всего тринадцать человек. Нас пригласил на беседу Сергей Павлович. Коротко рассказал о будущих полетах и вдруг спросил:

— Зачем вы хотите лететь в космос?

Мы отвечали очень похоже и, казалось, удачно:

— Хотим приложить свои знания не только для создания корабля, на Земле, но и для выполнения на нем программы полета.

Королев слушал нас и хмурился. Наконец не выдержал и «разбушевался», пообещав вообще разогнать нашу команду. Мы были в недоумении.

Сейчас, много лет спустя, мне понятно, почему его не устроили наши общие ответы. Сергей Павлович по-мальчишески верил, что наступит то время, когда медицинские требования не будут такими жесткими и он сможет сам полететь в космос. Поэтому, собрав претендентов в кабинете и немножко ревнуя к той участи, что выпала нам, он хотел услышать какие-то более теплые и человеческие слова, созвучные его мыслям. Когда же мы в своих рассуждениях не поднялись выше стереотипов, он рассердился.

* * *

Был такой период в жизни нашего КБ, когда споры и страсти вокруг Тунгусского метеорита так накалились, что мы, молодые инженеры, пошли к Королеву. Рассказали, что совместно с энтузиастами из Киева и Томска хотим во время отпуска отправиться добыть подтверждения гипотезы, что это был космический корабль инопланетян.

Королев не только поддержал нас, но и предложил использовать для поисков вертолет КБ, который как раз был недалеко от тех мест. Дал распоряжение, чтобы нас обеспечили поисковыми рациями. В заключение добавил:

— Но вот деньгами помочь не могу...

— Ничего, мы на отпускные...

— На них далеко не улетишь... — Главный задумался: — Вот что, пишите заявления на материальную помощь.

Через несколько недель я докладывал Королеву по телефону о нашей работе в тайге и на болотах.

— А хоть какие-то обломки корабля нашли?

— Нет. Ищем. Правда, уже отпуск кончается!

Сергей Павлович решил с ходу:

— Я его продляю.

Пришлось признаться, что мы дали слово своим начальникам отдела вернуться вовремя.

Королев согласился. Дело есть дело. А потом добавил:

— А все-таки жаль, что вы ничего не нашли... Ищите.

* * *

У Королева часы приема по личным вопросам приходились, кажется, на четверг — с трех до пяти. Но был один секрет, впрочем, известный каждому сотруднику конструкторского бюро, как оперативно решить личный вопрос у Главного. Просто надо было утром встретить его у входа в КБ и вместе с ним подняться по лестнице до кабинета. Времени хватало, чтобы обсудить любую просьбу и тут же получить ответ по существу.

* * *

Часто, говоря о Главном, рисуют портрет однолюба, для которого жизнь состояла из ракет, чертежей, механизмов. Да нет же, он был обыкновенным человеком, иногда веселым, иногда грустным или расстроенным.

Мне рассказывали такой случай.

В молодости Сергей Павлович любил ездить на мотоцикле. Однажды, когда он куда-то спешил, мотоцикл сломался. С трудом добрался до города, замерзший, голодный. Королев зашел в булочную у дороги, купил сдобную булку и тут же, на тротуаре, съел.

Спустя много лет Главный конструктор возвращался с совещания, и путь его проходил мимо старой булочной. Королев попросил остановить машину. Зашел в булочную... Прохожие с удивлением смотрели на человека, сидевшего на тротуаре с булкой в руках рядом с «ЗИМом».

Не знаю, был ли такой случай в действительности, но те, кто знал Сергея Павловича, согласятся со мной, что это похоже на Королева.

* * *

Сейчас это мгновение благодаря фильмам видели многие: раздвигаются двери корпуса и медленно выкатывается огромная сигара ракеты. В солнечных лучах медно-красноватые сопла двигателей вспыхивают каким-то неземным огнем, и вся картина вывоза ракеты представляется кадром из фантастического фильма.

Не раз накануне старта мы пытались увидеть это зрелище. Но режим на космодроме был строгим. И во время этой операции за шлагбаум, который преграждал путь к стартовому комплексу, не пускали.

Однажды у шлагбаума остановилась машина Королева. Сергей Павлович посмотрел на нас, на мгновение задумался, а потом озорно командовал:

— Давайте ко мне в машину...

На возвышении Королев остановил автомобиль.

— Здесь самое удобное место...

И мне подумалось тогда: значит, и он приезжает полюбоваться этим зрелищем. Каким же романтиком нужно оставаться, чтобы на расвете каждый раз мчаться сюда любоваться волнующей картиной, делом своих рук...

НЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ

Предложение

Да, это был день волнений. И каких! Ведь несколько часов подряд космонавты совместно с Землей пытались состыковать свой корабль со станцией «Салют-6». Обстановка в Центре управления полетом накалялась. Не хотелось верить в неудачу. Станция была принципиально нового класса. Два стыковочных узла гарантировали ей долгое существование за счет возможности приема транспортных кораблей «Прогресс». Экипаж был настроен на длительный полет. Программа насчитывала сотни экспериментов, появилась возможность побить мировой рекорд пребывания человека в космосе. Но... Космос есть космос, там всякое случается, и Земле пришлось принять тягостное решение: космонавтам готовиться к посадке.

Мы, конечно, возвращались из ЦУПа в тяжелом настроении. За товарищей переживали, за нашу космонавтику.

Когда приехал домой, застал плачущую жену. И самому тяжело, а тут ее слезливое настроение. Спросил:

— Ну что ты плачешь? Ведь что главное? Чтобы ваши мужья возвращались. Да, нестыковка, да, неудача. Но завтра ребята будут на Земле, живые и здоровые. А ведь могли на орбите остаться надолго.

Майя отвечает:

— Да я не потому плачу, что у них нестыковка, а потому, что теперь твой черед пришел...

Удивился:

— Я-то при чем здесь? Есть второй экипаж, дублеры. Я лишь в третьем экипаже.

Но она плакала и твердила:

— Я знаю, теперь тебя пошлют...

Недаром говорят, что женское сердце предвидит. Через несколько дней ко мне в ЦУПе подошел К. П. Феоктистов:

— Есть предложение лететь тебе...

Помню, только спросил:

— С кем?

— С Романенко...

Из любой книжки по космонавтике можно узнать, как тщательно подбираются экипажи. Работают специальные группы ученых-психологов. Проводятся тесты на психологическую совместимость, многочасовые эксперименты. Скажем, в одной из анкет, которую надо заполнить, — пятьсот вопросов. Непростая это проблема — выбор членов экипажа. А тут вот так: полетишь с Романенко? И надо давать ответ.

Я стал вспоминать: кто же такой Романенко? Не часто пересекались мы с ним на занятиях. Лицо у него такое открытое, симпатичное. Энергичный. Кажется, увлекается подводной охотой, так же как и я. Помощью, равнодушен к английскому языку, то ли владеет свободно, то ли терпеть не может...

Секунд тридцать ушло у меня на эти беглые воспоминания. И подытожил:

— Согласен...

Оставалось ждать окончательного решения. Позже я узнал, что отправиться в экспедицию на «Салют-6» предложили еще нескольким космонавтам.

Почему после полета основного экипажа на старт не вышли дублеры? Руководители подготовки считали, что после неудачи в экипаже должен быть человек, прошедший проверку космосом, имеющий опыт стыковки. В случае возможных чрезвычайных обстоятельств такой космонавт да и экипаж будут чувствовать себя на орбите уверенно. Вот и появилась идея к одному из дублеров, который хорошо знал програм-

му полета (это был Юрий Романенко), добавить кого-то из «старичков». Именно поэтому ко мне подошел Константин Петрович...

Его предложение, конечно, стало известно и моим коллегам. Один из них настойчиво, казалось бы, из лучших побуждений убеждал меня:

— Послушай, зачем тебе идти в такой длительный полет? Пусть молодые, кто еще ни разу не был на орбите, пробуют силы. Кандидаты в космонавты готовы на все. А ты уже слетал. Можешь полет себе сам выбрать...

И в самом деле предстоял трехмесячный полет. Иными словами, после 63 суток — именно такого рубежа достигла тогда советская космонавтика — надо было шагнуть к 96-дневному! Тогда это представлялось проблематичным. Подсознательно я чувствовал, что три месяца — это очень долго...

Помню, я вполне искренне ответил тогда своему советчику:

— Понимаешь, у меня есть принцип, заимствованный у Гринева из «Капитанской дочки»: на службу не спрашиваться, а от службы не отговариваться...

Мой коллега пожал плечами и больше на эту тему со мной не говорил.

Скоро стало ясно, что полет будет уже с первых дней действительно непростым. Анализируя показания приборов, датчиков той неудачной стыковки корабля и станции, специалисты пришли к выводу, что «Союз» и «Салют» все-таки два раза коснулись друг друга. Понятно, что такое нештатное касание семитонного корабля и 18-тонной станции могло кончиться печально для некоторых элементов стыковочного узла. И те разъемы, которые, соединившись, должны обеспечить единую электрическую, гидравлическую сеть «Союза» и «Салюта», могли быть просто повреждены. Значит, предстоял аварийный выход в космос, причем не через люк на станции, а через сам стыковочный узел, который для этого не предназначался. К тому же это надо было делать в скафандрах, в которых еще никто в космос не выходил.

Бывает так: несколько лет готовишься к старту, а находишься на орбите всего месяц (так было у меня с Алексеем Губаревым во время первого полета). Теперь мне предстояло готовиться два месяца, а летать три.

Экзамен

Отныне у меня был особый распорядок. Занятия — тренировки, тренировки — занятия. Кажется, разрывался на части накануне экзамена. Занимался с шести утра, в десять вечера приходил консультант, через два часа еще один, в два ночи — третий...

А в девять утра начиналось мое испытание. В эту последнюю ночь я «белой» завистью завидовал Юрию Романенко, который как дублер

уже сдал экзамен. И перед нашим полетом ему просто перерезали его. От того, как я сдам, зависело, лететь мне или оставаться дублером.

Огромный зал. Полукругом стояли столы. За ними — несколько десятков экзаменаторов. В центре зала за маленьким столиком — я. Передро мной стопка чистых листов и несколько карандашей. Тут я впервые порадовался, что не умею пользоваться шпательками и никогда к ним не прибегал. Правило неизменное — ориентироваться только на свои силы.

Шел час за часом. Экзаменаторы менялись, а я оставался... На дошность тех, кто спрашивал, не обижался, знал: космос ошибок не прощает.

Развитие космической техники идет своим путем. Когда-то главную роль в корабле играла автоматика. Да и первые задания космонавтам были относительно простые: попробовать поесть, попробовать попить, взглянуть в иллюминатор, попробовать выйти из кресла. Мы только пристраивались к космосу, пытались понять роль человека в его освоении.

Для таких полетов и программа подготовки была другая. Ученые понимали, что безопасность космонавта зависит скорее от автоматике, чем от него самого.

Постепенно полеты усложнялись. Расширились программы исследований. Пилотируемые космические корабли все больше отвечали своему назначению. Ими можно было управлять, осуществлять стыковку вручную. Возросла роль космонавта в полете, а следовательно, и цена его ошибки.

Поэтому если раньше на экзамене кто-то мог немного «поплавать» и это прощалось, новые программы полетов диктовали иное отношение к занятиям. За поверхностные знания стали наказывать очень строго. Более того, если в полете, скажем, ты ошибся в управлении системой жизнеобеспечения (а такое, к сожалению, иной раз случается), то «санкции» применялись и к преподавателю, который тебя обучал. Ведь он ставил тебе отметку на экзамене и «выпускал» на орбиту.

Девять лет я ждал своего первого полета. Шесть раз был дублером в разных экипажах, шесть раз сдавал «космические экзаменационные сессии» за это время, и чувствовал, как меняется к ним отношение. В конце концов они превратились в настоящий допрос с пристрастием. Причем допрашивали десятки людей — и все классные специалисты.

Кончился мой экзамен в шесть вечера. Пришел врач экипажа и сказал:

— Еще один час такого «допроса», и даже если вы потом дадите ему «добро» на полет, то мы, медики, уже не пропустим его по здоровью. «Измочаленных» в космос посылать нельзя...

Он взял меня за руку и повел к выходу. Помню, что один экзаменатор вскочил со стула и побежал за нами. Мы шли, а он все задавал и задавал вопросы. Я понимал: этот специалист что-то не успел проверить, он своего не упустит, так как не собирается потом расплачиваться за мое «незнание». Я понимал, что он прав, хотя тогда было нелегко...

Экзамен завершал подготовку. Мы вылетели на космодром. За сутки до старта с экипажем всегда встречаются товарищи — опытные космонавты, руководители программы. Тебя стараются подбодрить, дают последние наставления. Помню, как один из присутствующих на встрече сказал:

— Ребята, вы только состыкуйтесь и можете больше ничего не делать...

Тогда я не понял, почему наш экипаж так напутствовали, ведь нас ожидала рекордно длительная и рекордно сложная программа...

Выход

Медленно, ох как медленно мы готовили себя и станцию к главному — к выходу в космос для проверки состояния второго стыковочного узла (к первому мы пристыковали наш «Союз-26»). От этого зависело выполнение всей дальнейшей программы. Если во время выхода обнаружим неисправность, которую нельзя устранить, значит, не пристыкуется другой корабль. И тогда — прощай наш рекорд!

На орбите мы сразу столкнулись с проблемами, о которых на Земле не подозревали.

Нам предстояло выйти в космос через люк, который не был для этого предназначен. Что главное во время выхода? Делать каждое движение, предварительно зафиксировавшись, иначе один неосторожный шаг в пространстве «без верха и низа» — и тут же тебя закрутит, унесет. Невесомость! Поэтому у выходного люка станции находилось множество специальных поручней, скоб. Стыковочный люк был их лишен начисто. Пришлось нам самим устанавливать мягкие поручни. Для этого мы использовали специальную киперную ленту. К этому мы были готовы. Но на Земле, работая на макете, мы не учли, что в реальной станции проход к люку заставлен приборами с острыми углами. А у нас мягкие скафандры, которые можно зацепить и порвать. Нам ничего не оставалось, как демонтировать часть приборов и перенести их в соседний отсек, а другие укрыть поролоном. Быстро таяло время...

Наконец приступили к тренировкам. Заходили в переходный отсек. Герметизировали друг друга в скафандрах. Эти скафандры можно было назвать относительно удобными. Они походили на металлические чемоданы с мягкими руками и ногами. Открыв крышку (которая потом герметически закрывалась), надо было умудриться туда втиснуться. Можно только представить, что бы могло случиться, если бы ты потерял сознание в скафандре...

Однажды, когда состояние организма было среднее (между плохо и очень плохо, как мы шутили в первые дни адаптации в невесомости), решил поднять настроение небольшим розыгрышем, «открыть» люк в космос, надев скафандр.

Перемещаюсь в переходный отсек. За мной с помощью телекамеры внимательно наблюдает Земля. Начинаю вертеть ручку открытия люка. Не имитировать, как было положено, а именно вертеть. И специально с таким усердием, будто выскочить в космос без скафандра — это моя давняя мечта. Слышу, оператор на Земле даже закричал от неожиданности. Он, конечно, понимал, что открыть люк, зажатый сильным давлением станции, невозможно, но одно дело понимать умом, другое дело — видеть, как снимаются последние запоры с блока, разделяющие людей и вакуум... Впрочем, оператор тут же сообразил, что его разыграли.

Несмотря на все наши старания, мы стали отставать от графика подготовки к выходу. Объем работы был значительно больше предполагаемого. И тогда с нами на связь вышел руководитель полета. Он заинтересовался, как идут дела. Мы с Юрием признались, что лучше выход на один-два дня отложить. Еще потренируемся, как говорится, до полной готовности. Руководитель с нами соглашается: конечно, мы вам дадим день-два, но, с другой стороны, через день-два условия радиовидимости и освещенности над Советским Союзом будут таковы, что мы не сможем с помощью телекамеры наблюдать ваш выход. Другими словами, контролировать, как вы там и чего вы там. Если вы очень настаиваете, эти дни мы вам дадим, но, с другой стороны, конечно, лучше обойтись без них.

Мы обсудили и решили: ладно, выйдем в срок.

Настал день выхода. По программе предусматривалось подготовить станцию к аварийному покиданию. Это означало, что если люк, который мы откроем, не удастся потом закрыть, то надо разгерметизировать всю станцию, добраться сквозь нее до корабля. Далее предстояло подготовить его к спуску и, бросив «Салют», вернуться на Землю. В этом случае станция обрекалась на гибель.

Мы решили «сжечь за собой корабль» и не завершать подготовку станции к аварийному покиданию. Настроились: любой ценой сделаем все, что надо, и останемся на станции... О другом даже думать не хотели.

И вот мы в скафандрах в переходном отсеке. Проверяем, в порядке ли баллоны с кислородом. Манометр одного из баллонов не реагирует на открытие вентиля. Что-то с баллоном случилось. Значит двадцать процентов кислорода мы уже потеряли.

Потихонечку нарастают проблемы. По мере сброса давления в отсеке мой скафандр неожиданно засвистел, стал надуваться и складкой, как клещами, перехватил ногу. Чувствую, как она немеет, побежали мурашки, а сделать ничего не могу. Вижу, Юре перехватило руку.

Тут невольно «посетуешь» на безразмерность скафандров... Ведь их на станции только два. И сколько будет на нее прилетать высоких и низких, худых и не очень космонавтов, экипировка будет для всех одна.

А приспособления для подгонки скафандра по размеру работают по принципу: «Нос вытащишь, хвост уяз».

Лавируя между фалами (они будут связывать нас со станцией во время выхода), приближаюсь к люку. Вращаю ручку — снимаю запор. Дверь в пустоту можно открывать. Специального механизма для этого нет, поэтому на Земле мне изготовили специальную «фомку» из титана. Тренированным движением поддеваю люк. Он на два сантиметра отходит и замирает. Я надавливаю сильнее. Люк ни с места. Не понимаю, почему? Ведь теперь в отсеке практически вакуум. Я зову Юру. Он мне помогает, но люк ни с места. От усилий начинаем перегреваться, обливаемся потом. Идут минуты. Наконец последним отчаянным усилием его все-таки открываем. Но мелькает мысль: допустим, мы выйдем. Истратив большую часть кислорода, отработаем снаружи. Вернемся в станцию, а люк не будет закрываться. Может быть, оценивая обстановку, как опасную, стоит отказаться от выхода в космос, чтобы не рисковать станцией? Получается, что программа, усилия тысяч людей «разбиваются» об этот люк.

Чаще всего, когда рисуют трудности, присущие нашей профессии, говорят о перегрузках. Действительно, бывают четырех-пятикратные перегрузки при посадке, иной раз даже больше, но нормальный тренированный человек их выдерживает. Дело не в них. И не в тяжелейших экзаменах, и не в подводных тренировках по имитации выхода в космос, когда можно за полтора часа стереть руки в кровь от негнушейся перчатки скафандра. Трудности совсем в другом, когда надо принимать решение самому, а от него зависит так много.

Решили: будем выходить...

Выплываю из станции. Хочется посмотреть на Землю, но надо работать: сейчас важно проверить, готов ли этот стыковочный узел к приему кораблей...

Через два часа мы снимали скафандры, и если бы не невесомость, то буквально валились бы с ног от усталости... Но важно было другое — узел цел и, значит, программа полета состоится.

Что и говорить, этот полет в космос был тяжелее, чем первый. Тяжелее, но интереснее...

Если разболелся зуб

Проблема психологической совместимости существует всегда и в повседневной жизни. Понятно, что во время длительных полетов она обнажается еще более. Как я уже говорил, времени на то, чтобы «притереться», сработаться у нас с Юрием не было. Меня это волновало, ведь успех полета во многом зависит от психологического микроклимата в экипаже. Начнутся конфликты на орбите — напряженной работы не будет, об этом свидетельствует опыт многодневных космических экспедиций. А у нас, казалось, было все сделано, чтобы такие конфлик-

ты возникали: Романенко — командир, я — бортинженер, но он до этого в космос не летал, а я уже на орбите работал. Он на тринадцать лет младше меня. К тому же весьма горячий, темпераментный человек. Я же совсем не приемлю командирского стиля.

К моему удивлению, за несколько дней до старта мы с Юрием легко пришли к соглашению: будем считать, что он не командир, а я в космос до этого не летал. Словом, мы — один экипаж. Такой, казалось бы, простой подход позволил нам сгладить многие «острые углы» в отношениях в нашем небольшом «земном доме» — орбитальной станции. Мы даже пытались диктовать свою «волю» и Центру управления полетом: «Вы нам не указывайте, что делать «Таймыру-1» (позывной Романенко), а что «Таймыру-2» (мой позывной). Просто сообщайте: «Таймыры», выполняйте то-то и то-то, а кому что делать мы сами разберемся».

Был, конечно, у нас и «черный день». Психологическая усталость дала себя знать. Спор разгорелся из-за пустяка. Зашла речь о перспективах нашей профессии. Я считал, что время космонавтов-летчиков уже проходит. Во всяком случае, они перестают быть главным звеном покорения Вселенной. Наступает «наша» эра — эра бортинженеров. Ведь пилотирование корабля сводится в основном к стыковке или расстыковке, тогда как во время длительной экспедиции дел больше у бортинженеров. Юра, летчик по профессии, со мной категорически не соглашался. Да и я уступать не хотел. На Земле проще — «хлопнул» дверью и ушел. У нас же на станции «хлопать» дверью некуда. Вот наш спор и катился к «опасной черте». Мы уже говорили на высоких тонах. Наконец, почувствовав, что до добра эта дискуссия не доведет — ведь у Юры темперамент ого-го, только заведи его, — оттолкнулся от стенки станции и поплыл в другой отсек, бросив Юрию: «Я спор прекращаю...» Тягостная пауза длилась недолго. Почувствовал руку на плече, обернулся. Юрий улыбается: «Жора, и что это мы с тобой завелись? Полет идет хорошо. А поссоримся, в одну минуту все смажем...»

Полет и впрямь проходил удачно. Были ЧП, но мы с ними справлялись. Последнее испытание выпало на долю одного Юрия Романенко.

Экспедиция близилась к завершению, оставалось чуть более двух недель до посадки. Неожиданно замечаю, что Юрий принимает несколько раз в день обезболивающие препараты. Причем если в руководстве написано — не более двух таблеток в день, то он значительно превышает дозу. Я не стал приставать с расспросами, думаю, сам скажет. Но он молчит. Только вижу, у него буквально белеют глаза от боли... Заволновался не на шутку. Говорю Юрию: давай выкладывай. Он признается: несколько дней не утихает зубная боль. Терпеть, говорит, эту пытку уже сил нет. Я предлагаю срочно сообщить на Землю, посоветоваться с медиками. Куда там! И слышать не хочет: жаловаться на зубную боль — позор. Стараясь убедить его как могу: мол, его самочувствие скажется на работоспособности. А дел у нас невпроворот, к тому же скоро к нам на станцию прибудет экспедиция посещения — советско-чехосло-

вацкий экипаж (А. Губарев и В. Ремек). Но Юрий упрямо стоял на своем. Пришлось мне пойти на такую уловку — договорились, что я скажу Земле, будто у меня болит зуб, а Юрий воспользуется рекомендациями медиков. Так мы и сделали, но проблема все равно оставалась: боли у Юрия были очень сильные, а советы были рассчитаны на легкое недомогание — пополоскать рот, прогреть. Ему же требовалась квалифицированная помощь зубного врача: получить ее в космосе было невозможно...

Юра обмотался каким-то теплым шарфом, надел шапочку. Но было видно, что облегчения это не приносит. И в то же время он продолжал работать, не давая себе поблажек. Особенно трудно приходилось ему во время телерепортажей с борта станции. Он снимал шапочку, разматывал шарф и, улыбаясь, рассказывал миллионам телезрителей о том, как красива планета из космоса. Только я один после сеанса видел, чего стоила Юре эта связь с Землей...

Долгие две недели длилось Юрино испытание. Но на работе это никак не сказалось. На посадку мы пошли точно по графику...

ГОД ВНЕ ЗЕМЛИ

В феврале 1987 года Юрий Романенко вновь стартовал в космос. И на этот раз полет его был рекордный. Он пробыл на орбите 326 дней. Эта космическая экспедиция немало дала не только ученым, которые провели с помощью космонавтов сотни экспериментов вне Земли, но и конструкторам — им представилась возможность опробовать новую технику. Впрочем, предоставим слово специалистам.

Транзисторы с орбиты

— Давайте заглянем на пять дней вперед, — сказал В. Ф. Домашев, руководитель группы анализа научных экспериментов Центра управления полетом.

Мы подошли к персональному компьютеру. Валерий Федорович пробежался пальцами по клавиатуре компьютера — на экране дисплея одни цифры сменили другие. Он их прокомментировал:

— Через пять дней во время одного из астрофизических экспериментов будет «затемнена» почти третья часть солнечных батарей орбитального комплекса «Союз ТМ-3»—«Мир»—«Квант». Причина этого — сам эксперимент. Для его проведения требуется именно так «неудачно» расположить комплекс относительно Солнца. Но это скажется на энергетике комплекса. Солнечные батареи не смогут обеспечить необходимой мощности. Заряда аккумуляторов, которые есть на станции «Мир», тоже надолго не хватит. Так что время проведения эксперимен-

та придется сократить с 30 минут до 21. Астрофизики, конечно, расстроятся. Но ничего не поделаешь, если комплекс так неудобно развернется...

И через несколько минут из лаборатории ушла поправка к программе полета. «Неудобно развернется»... Так обычно говорят о живом существе. Но это относилось к орбитальному комплексу длиной 35 метров и массой около 50 тонн...

Но послушаем, что скажет В. Ф. Домашев дальше:

— Наверное, одна из главных отличительных особенностей станции «Мир» от ее предшественников «Салютов» — большая независимость от Земли. Если раньше операторы Центра управления выдавали на орбиту каждую команду — включить аппаратуру, двигатели коррекции, то теперь бортовая ЭВМ сама решает многие вопросы. Она «знакома» с программой полета, проводимыми экспериментами и исходя из этого принимает решения об ориентации орбитального комплекса, включает те или иные приборы. Это значительно расширяет возможности комплекса, да и космонавтов освобождает от многих рутинных операций. Но, с другой стороны, это не могло не сказаться на сложности управления. Если раньше мы могли точно рассчитывать, в каком положении относительно Земли будет находиться станция в любой момент времени, то теперь об этом мы можем судить только с помощью моделирования ее поведения на компьютере в ЦУПе. Вы видели, как это происходит. Поправка, которая была внесена в программу эксперимента, показывает, как мы не даем электронному «мозгу» орбитального комплекса чересчур «увлекаться».

Могут спросить: а не снижает ли такая компьютеризация эффективность работы комплекса? Отвечу: несколько. За предыдущие полеты орбитальных станций в космосе было выполнено около четырех тысяч экспериментов. А только один этот полет добавил целую тысячу. Более того, переход на такое «гибкое» управление делает полетное время еще насыщеннее, позволяя вплотную подойти к выполнению экспериментов «по заказу» и, если хотите, на хозрасчетной основе. Фраза, что космос немало дает народному хозяйству, стала традиционной. Но ведь это «немало» можно посчитать. И постараться направить исследовательскую программу полетов в русло максимально полезного эффекта.

Какие исследования, проводившиеся во время этого полета, можно выделить именно с этой точки зрения, то есть исходя из их полезности?

Скажем, космонавты Юрий Романенко и Александр Александров определяли загрязнение окружающей среды вблизи крупных городов — Оренбурга, Караганды, Харькова. Оценивали экологическую ситуацию в Забайкалье, в районе Припяти. Данные, полученные с орбиты, позволял более точно оценить вину тех или иных предприятий в отношении к природе. Стремление использовать результаты космических наблюдений в экологии — характерная тенденция последних лет. Поэтому не случаен эксперимент, который проводился в рамках программы «Ин-

теркосмос» с участием специалистов ГДР и ПНР по оценке природных полигонов на территории этих стран. Во время эксперимента большие территории фотографировались синхронно из космоса и с борта самолета. Результаты этих наблюдений позволят ученым разработать методики по наблюдению из космоса заповедных зон.

По заказам геологов космонавты занимались уточнением нефтегазовых районов Каспия, а также вели съемку геологических структур Сихотэ-Алиня, Кавказских гор. Надеюсь, что после возвращения экипажа на Землю ученые получили интересные материалы.

Не были обделены вниманием и проблемы Госагропрома. С орбитального комплекса уточнялось состояние пастбищ в районах Ташкента, Бухары, велось наблюдение созревания урожая на Украине, в Поволжье, Средней Азии. Хотя, надо отметить, отдача от этой работы возросла бы многократно, имей космонавты возможность более оперативно передавать фотоинформацию из космоса на Землю. Пока это можно делать только с помощью экспедиций посещения.

Во время полета проводились эксперименты достаточно широкого спектра. Об одном хотелось сказать. Я имею в виду выращивание полупроводникового кристалла «свинец-олово-теллур». Это делалось на установке «Корунд» — специальной печи, управляемой микропроцессором. Как показали исследования, проведенные во время прошлых полетов, в невесомости удастся получить кристалл этого полупроводника высочайшего качества, причем в объемах, сравнимых с опытными партиями. Такие кристаллы с помощью специальных температурных режимов «Таймирами» были получены.

Хотелось бы сказать несколько слов и о биотехнологических экспериментах.

Как показали исследования, начатые советскими космонавтами еще на станции «Салют-7», в условиях невесомости удастся получать сверхчистые белковые препараты. Во время второго длительного полета Романенко эти работы были продолжены. На установке «Ручей», например, проходил очистку полученный с помощью генной инженерии такой важный для медицины препарат, как интерферон. Судя по сообщениям космонавтов, процесс в целом протекал нормально. Они засняли на видеомагнитофон разделение под воздействием электрического поля исходного вещества на две составляющие — белого и желтого цветов. Судя по всему, это сверхчистый интерферон и примеси. Чтобы картина была более точной, пробирки с полученными препаратами хранились на орбитальном комплексе в холодильнике. Перед самой посадкой корабля «Союз ТМ-2» пробирки поместили в специальные пенопластовые пеналы, которые космонавты, возвращающиеся на Землю, взяли с собой.

Конечно, космическая биотехнология позволяет получать пока только миллиграммы сверхчистых белков, но каждый полет приближает нас к промышленному этапу.

Если говорить об исследованиях, которые проводились (да и проводятся) на орбите с помощью модуля «Квант», то их результатов с нетерпением ждут ученые многих стран. И не случайно научные статьи ведущих астрофизиков мира, опубликованные в последнее время, начинаются словами «как показали наблюдения орбитальной обсерватории «Рентген», установленной на модуле «Квант»...

Поэтому наш следующий адрес — Институт космических исследований АН СССР.

Ярче солнц

9 сентября 1604 года Альботелли из Вероны увидел на небе новую яркую звезду. В этом факте его больше привлекал намек, какое это предзнаменование. Впрочем, для Альботелли появление звезды можно считать счастливым событием. Благодаря ему он вошел в историю.

Через восемь дней после Альботелли появившуюся звезду обнаружил Иоганн Кеплер. Именно ему мы обязаны точными наблюдениями нового космического явления. Это была вспышка Сверхновой звезды. Чтобы понять, почему ученые многих стран с нетерпением ждут сообщений с орбитального комплекса «Союз ТМ-3» — «Мир» — «Квант», достаточно сказать, что следующая после 1604 года Сверхновая звезда, видимая невооруженным глазом, появилась только 23 февраля 1987 года. И самой крупной астрофизической обсерваторией в мире, которая в скором времени оказалась на орбите Земли, была обсерватория «Рентген», установленная на модуле «Квант».

Рассказывает научный руководитель комплекса экспериментов «Рентген», член-корреспондент АН СССР Р. А. Сюняев:

— Вспышка Сверхновой, которую астрономы открыли в феврале, на самом деле произошла около 180 тысяч лет назад — именно столько времени потребовалось свету, чтобы донести до нас информацию об этой космической трагедии. Несмотря на гигантское расстояние, вспышка была столь мощной, что ее можно было видеть невооруженным глазом. Умирающая звезда в Магеллановом Облаке светила, как сотни миллионов наших солнц.

Что же произошло со звездой? Существующие теории рисуют такую картину. Звезда массой в двадцать раз больше солнечной практически исчерпала весь запас «ядерного горючего». Уже «выгорел» водород, превратившись сначала в гелий, а потом в более тяжелые элементы — углерод, кислород, кремний, никель. Ядро — центральная часть звезды — стало сжиматься. Его диаметр уменьшился в тысячи раз. Произошло выделение колоссальной гравитационной энергии, что привело к взрыву и сбросу массивной оболочки звезды, которая стала разлетаться со скоростью в тысячи километров в секунду. Согласитесь, создать детальную теорию таких космических катаклизмов непросто. Поэтому крайне важно получить как можно больше новых экспериментальных

данных. Учитывая, что на орбите находилась обсерватория «Рентген», такая возможность в этот раз была.

Как я уже говорил, в «ядерном котле» звезды синтезируются многие элементы, в том числе радиоактивный никель. Через восемь дней после взрыва он превращается в радиоактивный кобальт, который через 114 дней превращается в железо, сигнализируя об этом испусканием квантов радиоактивного распада. А они, проходя через разлетающуюся массивную оболочку, доходят до нас в виде рентгеновского излучения.

Понятно, с каким нетерпением мы ждали его появления. Каждые два часа с орбитального комплекса передавались на Землю данные наблюдений Сверхновой. Дни и ночи напролет мы дежурили у дисплеев в Институте космических исследований. И наконец 10 августа зафиксировали рентгеновские лучи.

— Возникает вопрос: а могут ли эти наблюдения представлять какой-нибудь интерес для нашей планеты Земля?

— Известно, что при взрывах сверхновых звезд выбрасывается большое количество материи. Углерод, кислород, кремний, уран, «сваренные» в ядерном котле звезды, должны послужить при образовании следующего поколения звезд и планетных систем. Такой путь прошла и наша Солнечная система. Все химические элементы, в том числе и те, из которых состоим мы, люди, побывали в «ядерном огне» Сверхновых. Поэтому информация о Сверхновой должна волновать не только астрономов и физиков, но и геологов, химиков, биологов.

Орбитальная обсерватория «Рентген» изучает и другие космические объекты, например, такие феномены Вселенной, как нейтронные звезды и черные дыры. Именно они рождаются при взрывах Сверхновых. У нейтронной звезды, имеющей массу Солнца, радиус всего десять километров. Плотность вещества черной дыры еще выше. Большинство астрофизиков-теоретиков считают, что во Вселенной есть сверхмассивные черные дыры, масса которых превышает в миллионы и даже в миллиарды раз массу Солнца. Стоит какой-либо звезде попасть в ее окрестность, она будет тут же разрушена, превратится в облако газа.

Ряд приборов для обсерватории «Рентген» создан нами совместно с учеными Великобритании, Голландии, ФРГ и некоторых других стран. Так что сеансов связи с орбитальным комплексом ждали не только советские исследователи. Немало интересных наблюдений уже было получено, но впереди ждут новые результаты. Так что у орбитальной астрофизики большое будущее.

И, оценивая работу экипажа комплекса «Союз ТМ-3» — «Мир» — «Квант», я бы, не задумываясь, поставил ему «отлично»...

Этот полет закончился не только интересными открытиями, но и значительным шагом вперед в космической медицине. Юрий Романенко установил мировой рекорд пребывания человека в космосе — почти 326 дней. Поэтому приглашаю читателя отправиться по следующему адресу — в Институт медико-биологических проблем Минздрава СССР.

Перед посадкой

Наш разговор с представителем службы медицинского обеспечения полета, кандидатом медицинских наук О. Д. Анашкиным начался с оценки самочувствия экипажа за несколько дней до посадки. Олег Дмитриевич рассказал:

— В завершающей фазе полета оно вполне в допустимых пределах. Судите сами. Юрий Романенко похудел всего на 1,6 килограмма, а Александр Александров даже 2,3 килограмма прибавил. Разработанный комплекс профилактических мероприятий позволил достаточно эффективно бороться с невесомостью. У командира экипажа за счет сокращения мышечной ткани объем голени уменьшился всего на несколько процентов, у бортинженера — на один процент. Надо сказать, немалая заслуга в этом самого экипажа, Юрий Романенко был необыкновенно точен в выполнении физических тренировок и проведении различных обследований. Его настойчивость передалась и бортинженеру. Два раза в сутки по часу они занимались на «космическом стадионе» — «бегающей дорожке» и велоэргометре. Юрий Романенко, скажем, за время полета «пробежал» около тысячи километров.

О нормальном самочувствии космонавтов свидетельствует и их сон. Согласно тестам, которые регулярно проводятся, восьмичасовой отдых у них глубокий, непрерывный, освежающий. Кардиограммы, которые снимаются как в спокойном состоянии, так и во время физических тренировок, показывают, что если и есть какие-либо отклонения от нормы, то лишь характерные для такого длительного полета. В допустимых пределах и биохимические анализы крови, которые делают сами космонавты.

Если говорить об общем объеме медицинских наблюдений, то всего за полет проведено 170 обследований тридцати четырех наименований. Мы практически сразу фиксировали малейшие отклонения в состоянии здоровья космонавтов и передавали на борт станции рекомендации по изменению режима питания, физических нагрузок, труда и отдыха. Скажем, за несколько дней до посадки посоветовали Александру Александрову увеличить физическую нагрузку, доведя скорость бега на «дорожке» до 13 километров в час.

В свое время наши медицинские обследования позволили рекомендовать Александру Лавейкину вернуться на Землю с экспедицией посещения. Это было вызвано отклонениями в сердечной деятельности. Уже после посадки исследования показали, что его здоровье полностью восстановилось и «списывать» его из отряда космонавтов нет оснований.

— Что рекомендовали медики в этом полете перед посадкой?

— Целый комплекс специальных мероприятий. За два месяца до спуска, например, увеличилась продолжительность физических тренировок до двух с половиной часов в день. За три недели рабочее время

космонавтов сократили с шести с половиной часов до четырех с половиной. Это время использовали для профилактики и медицинских наблюдений. За две недели в их питание включили поливитаминовые препараты. Кроме того, проводилась серия тренировок в пневмовacuумном костюме «Чибис», что позволило улучшить кровообращение, лучше подготовить сердечно-сосудистую систему космонавтов к возвращению на Землю.

— Что дал этот сверхдлительный полет медикам для подготовки марсианской экспедиции?

— Давайте не будем спешить с выводами. Пока окончательно доказано безопасное пребывание человека на орбите на протяжении 7—8 месяцев. Невесомость — еще во многом загадочное явление. Но шаг к Марсу, безусловно, сделан.

РЯДОМ С ГАГАРИНЫМ

В тот год, когда родился Юрий Гагарин, молодой летчик Николай Каманин, взлетел с далекого северного аэродрома, чтобы прийти на помощь челюскинцам. За спасение десятков людей — членов экспедиции, которую возглавлял О. Ю. Шмидт, он был удостоен звания Героя Советского Союза. Их было всего семеро — первых Героев Советского Союза. Кроме Каманина, еще Ляпидевский, Леваневский, Молоков, Слепнев, Водопьянов, Доронин. По-разному сложились их судьбы, но одно несомненно: вся их жизнь была высоким служением Родине.

Еще в тридцатых годах Н. П. Каманин стал вести дневник. Он вел его и во время триумфальной встречи участников челюскинской эпопеи в Москве, и во время Великой Отечественной войны, когда командовал дивизией штурмовиков, и позднее, когда стал наставником первого отряда космонавтов. Мне кажется, дневниковые записи Николая Петровича воссоздают яркий образ первого космонавта планеты.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА АВИАЦИИ Н. П. КАМАНИНА

Перед стартом

17 января 1961 года. Сегодня у космонавтов-слушателей начались выпускные экзамены. Я — председатель экзаменационной комиссии.

Каждый слушатель занимал место в кабине действующего макета корабля «Восток» и в течение 40—50 минут докладывал о его оборудовании, своих действиях на различных этапах полета...

Во время экзаменов у меня часто возникал вопрос: кто из них прогредит на весь мир и войдет в историю как первый из людей, совершивших космический полет?

На это трудно ответить однозначно, но можно предвидеть, что при отличной работе техники любой из них справится с ответственной задачей. Близится старт, он состоится в марте — апреле. Есть полная уверенность, что корабль взлетит и выйдет на орбиту. Пока, правда, существуют проблемы, связанные с безопасностью посадки. Из трех космических кораблей, летавших в 1960 году, отлично сел № 1 (животные живы), плюс один сел аварийно.

До полета человека необходимо осуществить два запуска спутников с манекеном. Будем надеяться, что и они отлично сядут...

Гагарин, Титов трудолюбивы. Николаев — самый спокойный из шестерки; Быковский энергичен и жизнерадостен... Попович производит впечатление волевого человека.

Рассмотрев личные дела, характеристики, медицинские книжки и оценки слушателей по дисциплинам, которые преподавались в течение года, комиссия единогласно решила всем слушателям поставить отличную оценку и записала в акте: «Экзаменуемые подготовлены для производства полета на космическом корабле «Восток», рекомендуется следующая очередность использования космонавтов в полетах: Гагарин, Титов, Николаев, Быковский, Попович...». Это, конечно, условно. Все еще может измениться...

12 февраля. Байконур. Идет отработка различных космических систем...

В 3 часа 34 минуты 25 секунд, точно в расчетное время, к Венере отправилась советская автоматическая межпланетная станция.

Старт прошел отлично, ракета около пяти минут наблюдалась простым глазом, было отчетливо видно отражение бликов солнца от ее бортов.

В 8 часов московского времени, когда было уже ясно, что все в порядке, мы вспомнили, что еще не завтракали. В столовой чувствовалось поднятое настроение.

Потом я и Королев отправились в гостиницу, и там между нами состоялся разговор, о котором мне хочется кое-что записать.

С. П. поделился со мной своими планами на будущее, дал почитать заветную «голубую» папку...

Он считает, что на орбиту надо выводить тяжелые спутники и станции, на которых будет работать экипаж из 3—5 человек.

Постепенно двигатели с химической тягой должны заменить ядерно-ракетные двигатели...

Трудно осознать грандиозность планов С. П. Мы даже полностью и предположить не можем, что ожидает человека в космосе (нашего первого космонавта!), а он уже мечтает об экипажах...

Еще раз говорил с Королевым о двух стартах «Востоков» с манекеном.

Как нам сообщили, на Западе первоначально приняли запуск межпланетной станции к Венере за неудачный старт в космос спутника с че-

ловеком. Итальянцы «слышали» даже стоны и прерывистую русскую речь — все эти выдумки совершенно беспочвенны. Фактом является то, что мы упорно работаем над гарантированной посадкой корабля с космонавтом. Интересно, как всколыхнется мир, когда с орбиты действительно прозвучит русская речь?

10 апреля. На утренней зарядке я в паре с Гагариным играл в бадминтон. Мы выиграли со счетом 16:5. Кажется, ничто не выдает волнения основных действующих лиц накануне решающих событий. Вчера я вызывал Гагарина и Титова и объявил им: «По моему представлению Государственная комиссия по пуску космического корабля «Восток» приняла решение: в первый полет допустить Гагарина, запасным готовить Титова». Заметна была радость Гагарина и небольшая досада Титова. Я предупредил их, что скоро состоится заседание комиссии в их присутствии, которая официально объявит им о своем решении.

В 11 часов С. П. встретился с космонавтами. Он сказал: «Не прошло и 4 лет с момента запуска первого спутника Земли, а мы уже готовы к первому полету человека в космос. Здесь присутствуют шесть космонавтов, каждый из которых готов совершить полет. Решено, что первым полетит Гагарин, за ним полетят другие. Уже в этом году будет подготовлено несколько «Востоков». А скоро будут готовы и многоместные корабли. Я думаю, что присутствующие здесь космонавты не откажут нам в просьбе «вывезти» и нас на космические орбиты. Мы уверены — полет готовился обстоятельно, тщательно и пройдет успешно. Успеха Вам, Юрий Алексеевич!»... Стараюсь ни на минуту не оставлять Гагарина одного. Чтобы, если понадобится, подбодрить, поддержать...

11 апреля. В 5 часов утра ракету вывезли на старт. В 10 часов с космонавтами по «активному участку полета» провел занятие Феоктистов. Последние штрихи подготовки...

В 13 часов Гагарин выступил на митинге... Потом у Юры был обед — очень сытный, но не особенно вкусный. Я пообедал вместе с ним.

На первое — пюре щавелевое с мясом.

На второе — паштет мясной.

На третье — шоколадный соус.

Юра чувствует себя превосходно. Наблюдения показали: кровяное давление — 115 на 60, пульс 64, температура — 36,8. Час назад ему наклеили все датчики для записей физиологических функций в полете. Эта операция продолжалась час двадцать минут и никак не сказалась на его самочувствии. Он очень любит русские песни, магнитофон непрерывно работает. Юра сидит напротив меня и говорит: «Завтра лететь, а я до сих пор не верю, что полечу, и сам удивляюсь своему спокойствию».

Я спросил:

— Когда ты узнал, что полетишь первым?

Он ответил:

— Я все время считал мои и Германа шансы на полет равными, и, только после того как Вы объявили нам свое решение, я поверил в выпавшее на мою долю счастье...

Уточнили некоторые подробности распорядка дня Гагарина на завтра. Старт в 9 часов 07 минут московского времени. За два часа до этого он займет место в кабине «Востока». Лететь вокруг земного шара всего полтора часа, а за два часа до старта ему необходимо сесть в корабль и ждать начала полета.

Сейчас 21 час 30 минут, только что заходил Королев, пожелал спокойной ночи и пошел к себе. Юра и Герман тоже собираются спать. Слышу их разговор в соседней комнате.

Что принесет нам завтра?..

12 апреля. Проснулся без десяти пять. Полшестого утра пошел поднимать Юру и Германа. Они еще спали... Показалось даже, как-то безмятежно. Залюбовался их спокойными лицами...

Пора!

В 6.00 состоялось заседание комиссии. Оно было удивительно коротким. Все доклады сводились к одной фразе: «Замечаний нет, все готово. Вопросов нет, можно производить пуск». После заседания я проверил, как идет медицинский осмотр, облачение в скафандры. Работа шла точно по расписанию. В 8 часов я вместе с ведущим инженером корабля на лифте поднялся наверх, и мы проверили шифр логического замка. Логический замок работал нормально...

Последние приготовления к полету...

Показался автобус с космонавтами. Выйдя из него, Юра и его дублер немного расчувствовались и начали обниматься и целоваться. Все хотели поцеловать Юру. Пришлось почти силой вырывать космонавта из объятий провожающих. У подножия ракеты я крепко пожал Юре руку и сказал: «До встречи в районе Куйбышева через несколько часов». И он шагнул к лифту...

Невиданный поток славы обрушился на первого космонавта. После трудной космической дороги началась непростая земная. Весь мир требовал Гагарина. Всем хотелось знать что-нибудь о его жизни, увлечениях, привычках... Такую роль отвела ему история: встречаясь с тысячами людей, представлять не только себя, а быть полномочным представителем всего Советского Союза...

По земле Индии

ДЕЛИ. 29 ноября 1961 года. Ровно в 11 часов 30 минут по местному времени наш «Ил-18» совершил посадку на аэродроме Палам. Тысячи встречающих...

Прямо с аэродрома проехали во дворец премьер-министра — Джавахарлала Неру. Короткое представление, и через несколько минут мы

уже мчались на пресс-конференцию. Нас приветствовало около трехсот журналистов. Вспышки, нестерпимый свет юпитеров.

Гагарина забросали вопросами. Интересно все: как он питался в полете, сильны ли были перегрузки.

В 13 часов 30 минут Неру дал завтрак в своей резиденции (Гагарины и я разместились во дворце премьера — бывшем дворце английского генерал-губернатора). Присутствовали Неру, Индира Ганди, Кришна Мехон, министры... Завтрак прошел оживленно. Неру выглядит старше своих 72 лет, но по-прежнему очень активен и много работает. Индира Ганди кажется утомленной — она руководит всей подготовкой партии Индийский национальный конгресс к перевыборам парламента и президента.

Через два часа Юра и Валя выступали по радио и телевидению. Гагарин выступил хорошо, а Валентина Ивановна для первого раза также неплохо справилась с возложенной задачей...

Из студии наш путь лежал на национальный стадион. В честь Гагарины устроен грандиозный праздник. Спортивные упражнения, пение, танцы. Яркое солнце, голубое небо, зеленый ковер стадиона (сегодня в Дели больше двадцати градусов) и красочные национальные и спортивные костюмы, высокое мастерство исполнения — все это оставило прекрасное впечатление. Мэр города выступил с приветствием и преподнес подарки. Гагарину пришлось выступить с ответной речью-импровизацией.

Далее в течение нескольких часов визиты к вице-президенту, главному маршалу авиации...

Ужинали вшестером: Неру, Индира Ганди, Гагарины, представитель МИДа Индии и я.

Неру в основном молчал, заметно было, что он утомлен, но когда разговор зашел о наших визитах на Индию, оживился, вспомнил Чингисхана и сказал, что в истории Индии было семь империй, семь различных династий. Разговор очень хорошо поддерживала Индира Ганди, чувствуется ее большой опыт политической деятельности. Невзирая на наши протесты, Неру и его дочь проводили нас до отведенных комнат...

С каждым новым испытанием, которое выпадает на долю Гагарина, убеждаешься, что мы не ошиблись в нем. В это трудно поверить, но факт: чуть более полугода назад мир не знал двадцатисемилетнего юношу, а сегодня общение с ним — честь для премьер-министров многих стран... Впрочем, слово «юноша» уже неприменимо к Юре. Он стал зрелым, удивительно сосредоточенным. Иной раз на пресс-конференции ловлю себя на мысли, что я не знаю, как выразиться из словесной «ловушки», которую приготовили Гагарину журналисты. А он улыбается и легко обходит все «риффы», словно много лет занимался дипломатической работой.

Многое может произойти с человеком за полгода...

Проснулся в полвосьмого утра от стука в дверь. Вчера так крепко заснул, что, услышав стук, не сразу понял, что я не в Москве, а в сказочной Индии. Уже не помню, когда еще я так крепко спал...

После завтрака на лужайке перед дворцом Гагарин встречался с бойскаутами президента. На встрече присутствовали господин Неру и несколько министров...

В 10 часов возложили венок на могилу Ганди и выехали в аэропорт Сафдарджанг. На аэродроме размещается планерный клуб. Министр авиации и члены клуба с семьями очень тепло приветствовали Гагарина. Спортсмены продемонстрировали пилотаж на планерах...

Посетили больного президента Индии господина Прасада. Он после обычных приветствий сказал: «Я двенадцать лет в этом доме (бывший дворец вице-короля), а заболел впервые, ноги отказывают, но последнее время стало лучше». Пожелали президенту скорейшего выздоровления, подарили книгу «Утро космической эры».

Теплота, с которой говорил Юрий, растрогала президента.

И опять митинги, митинги, митинги...

Общее впечатление от первых двух дней пребывания в Индии хорошее. Лично Неру и руководство страны принимали тепло и любезно. Особенно много времени потратил на нас премьер-министр, хотя он, как я уже говорил, активно работает, рано встает, поздно ложится и вникает во все сам (даже летает на планере).

Оба дня в Дели были загружены до предела (с 9 утра до 11 вечера). Чувствуется продуманность программы визита. Хотя мы вымотались...

Пресса, радио и телевидение освещают визит Гагарина очень тепло.

Юра делает много для развития взаимопонимания между народами Индии и Советского Союза...

Утром следующего дня вылетели в Лакхнау — столицу штата. Население города продемонстрировало свое глубокое уважение к Гагарину и его Родине. Все улицы заполнены народом. Муниципалитет большинством голосов, вопреки некоторым противникам, решил организовать Юрию самый теплый прием.

День пребывания Гагарина в Лакхнау фактически объявлен выходным: все школы, университета и учреждения закрыты — дети и взрослые вышли приветствовать советского космонавта...

Бомбей. После перелета было сразу же несколько пресс-конференций, приемов, встреч. В десять часов вечера поехали в известную на весь мир киностудию. На всем пути (а это около 20 километров) стояли люди — десятки тысяч.

Руководство киностудии много сделало, чтобы эффектно встретить Гагарина. Метров двести аллеи, ведущей к главному павильону, устлали широким ковром, все деревья в разноцветных лампочках. Вокруг музыка, пение, пляски.

Собрались кинозвезды Индии. Надо отдать справедливость — вокруг немало красивых девушек. Познакомились и с Раджем Капуром. Он произвел приятное впечатление. Когда прощались, проводил до машины...

Рано утром, еще до официального подъема, мы с Юрой отправились купаться в Аравийское море. Единственная возможность отдохнуть от людей, постоянного чувства, что ты на виду...

И опять встречи...

На митинг в Шиваджи-парк собралось более трехсот тысяч человек, а на пути к парку вдоль дорог выстроилось около полумиллиона. Причем многие, увидев наш кортеж, не уходили, а ждали, когда мы поедem обратно. Главный министр, беседуя со мной, заметил, что приветствовать Юрия пришло гораздо больше людей, чем английскую королеву.

Почти все газеты отмечают, что поездка Гагарина доказала, насколько «велик русский человек». А я каждый день беседую с великим человеком среди невиданной роскоши и блеска и вижу, что ему очень хочется отдохнуть, побыть одному, где-нибудь с удочкой на подмосковной речке.

Запомнилась беседа Гагарина с одним индийским пятилетним мальчишкой. Он отлично рассказал о продолжительности и высоте полета Титова и Гагарина, заметил, что американский астронавт Шепард только поднялся с Земли и сразу спустился. А на вопрос Юры: «Сколько тебе лет?» — ответил: «Пять, скоро будет семь».

Парадокс эпохи: мальчишка знал о космосе больше, чем о своем возрасте...

Калькутта. Встреча с членами международного и авиационного клубов в «Грейт истерн отеле».

Гагарину подарили серебряный глобус со спутником, а мне — арбу с двумя волами из слоновой кости. Вручая арбу, сказали: «Помогите Индии вытащить ее в «космос».

Юрий заметил: Индия будет в космосе...

Наш самолет оставляет под крылом Индостан, курс лежит на Цейлон, Юра сидит в кресле грустный. Спросил: «Как поездка?»

«Очень красивая страна, старался сделать приятное ее людям. Только жалко, что мало успел сделать для себя. Даже живых слонов не видел...» — ответил Гагарин...

Казалось, события управляют Гагариным, а не он ими. Многочисленные поездки, встречи, выступления, заседания, часто просто парадные. Тем не менее это не заслоняло главное — профессию. Он участвовал в напряженной подготовке космонавтов, разрабатывал новые программы. И еще — мечтал сам полететь в космос, вернуться в авиацию. Он ждал самостоятельного полета, как когда-то своего исторического старта. Вылет был назначен на 27 марта 1968 года. Вернемся к записям Николая Петровича Каманина...

Снова в небо...

С утра было очень много дел. А мне хотелось успеть еще на аэродром, чтобы поздравить Гагарина с самостоятельным вылетом.

В 10 часов 50 минут пришло сообщение:

«Гагарин с Сергиным взлетели на Ути-МИГ-15 в 10 часов 19 минут. Через тринадцать минут с самолетом оборвалась связь. Скоро кончится горючее». Известие было очень неприятным, но, зная задачи и условия полета и подготовленность экипажа, я надеялся еще, что такой ас, как Серегин, найдет выход из любой ситуации и дело закончится или вынужденной посадкой, или — самое большое — катапультированием летчиков.

Доложив о происшествии, я приказал организовать поиск и немедленно выехал на аэродром.

На командном пункте меня уже встречали. Доклад был короткий: «В воздухе находятся два самолета Ил-14 и четыре вертолета Ми-4. Самолеты и вертолеты ведут поиск в квадрате Киржач, Покров и восточная окраина Москвы. Погода и видимость земли хорошая, но пока никаких признаков Ути-МИГ-15 не обнаружено». Уточнив район поиска, мы разбили его на несколько квадратов, в каждом квадрате размером 10 на 10 километров непрерывно на высоте около 80—100 метров летали вертолеты, на высоте 300—600 метров — Ил-14, они просматривали весь возможный район аварии.

По уточненным данным, обстановка полета Гагарина и Серегина выглядела так: экипаж получил задачу выполнить в зоне простой пилотаж. Высота полета была 4000 метров. Погода хорошая. Двухслойная облачность. Видимость под облаками и между слоями более 10 километров.

После взлета Гагарин установил связь с КП и запросил разрешения занять зону. После выполнения задания, получив разрешение, развернулся для следования на аэродром. На этом в 10 часов 30 минут 10 секунд связь с самолетом прекратилась. На все вызовы КП экипаж не отвечал. Наблюдение за самолетами-локаторами продолжалось до 10 часов 43 минут.

Немедленно в воздух были подняты самолеты и вертолеты для поиска Ути-МИГ-15.

Довольно долго поиск был безрезультатным. В 14 часов 50 минут командир одного из вертолетов сообщил: «Обнаружил обломки самолета в трех километрах от деревни Новоселово». Я немедленно вылетел на вертолете к месту происшествия.

На полях и в лесу лежал еще не тронутый оттепелью глубокий снег, кое-где появлялись небольшие проталины, но обстановка для розыска белых парашютов была тяжелой (в полете я еще надеялся, что экипаж катапультировался). Через несколько минут мы были в районе

Новоселово. В двух километрах от деревни уже приземлились два вертолета.

В воздухе, кроме нашего вертолета, был еще один, он кружился над лесом, пытаясь указать нам точку падения Ути-МИГ-15. У меня был большой опыт отыскания обломков самолетов с воздуха, и зрение еще ни разу не подводило, но я заметил следы катастрофы только с третьего виража. Мы сели на опушке леса метрах в восьмистах от падения самолета. Глубина снега была более метра, при каждом шаге нога проваливалась до земли, идти было трудно. Только через час мы добрались до места падения.

Самолет упал в густом лесу. Его скорость в момент касания была около 800 километров в час. При ударе самолет разрушился на мельчайшие обломки. Двигатель и передняя кабина ушли в землю более чем на 5 метров. Крылья, хвостовое оперение, баки и кабины разрушились на части и были разбросаны в окружности диаметром метров двести. Многие детали самолета и парашютов находились высоко на сучьях деревьев.

Скоро стало ясно, что кто-то из членов экипажа погиб. Врачи доложили, что скорее всего В. С. Серегин. Признаков гибели Гагарина не было, но и надежды на его спасение катастрофически падали. В 16 часов 32 минуты обнаружили планшет летчика. Были основания считать, что это планшет Гагарина. Но утверждать, что он погиб, было нельзя, планшет мог остаться в кабине и после катапультирования, да еще и не очевидно его принадлежность Юрию.

Приближалась темнота. Производить раскопки ночью не было возможности...

Почти до трех часов ночи на командном пункте аэродрома заседала аварийная комиссия. Были рассмотрены все документы, регламентирующие и планирующие летную работу, допрошены десятки специалистов: летчики, командиры подразделений, инженеры, руководители полетов, связисты. После длительного разбора материалов и свидетелей происшествия все члены комиссии были убеждены, что Гагарин погиб, но вещественных и неопровержимых доказательств его смерти не имелось. Было принято решение продолжать поиск самолетами ночью, а с рассветом возобновить его (еще теплилась надежда, что Юрий мог катапультироваться) не только самолетами, но и вертолетами и группами лыжников.

Было решено немного отдохнуть. Я не сомкнул глаз за эти полтора часа. Перед глазами, как кинолента, проходили картины встреч с Гагариным. Их было тысячи, и везде Юра был живой, веселый, жизнерадостный, энергичный. Нельзя представить Гагарина мертвым. Гагарин — это сама жизнь и неукротимая мечта о небе, о полетах, о космосе.

В 5 часов 15 минут вся комиссия собралась на аэродроме, а еще через 15 минут мы все вылетели к месту происшествия.

До 7 часов утра ничего существенного обнаружено не было, хотя точно установили, что найденный вчера планшет принадлежит Гагарину

(заполнен его рукой и красными чернилами. А. Г. Николаев подтвердил, что Юра в его присутствии писал в журнале ручкой с красными чернилами. Бортжурнал закреплялся ремнем на колене летчика). Около восьми утра я заметил кусок какой-то материи. Он оказался частью куртки Гагарина. В грудном кармане куртки я нашел талон на завтрак на имя Юрия Алексеевича Гагарина. Сомнений больше не было: Юрий погиб. На вертолете вылетел с места происшествия, чтобы доложить правительству печальную весть.

Валентина Терешкова и близкие Гагарина пошли в больницу к Валентине Ивановне, где она лежала более месяца, чтобы оповестить о постигшем нас горе — гибели ее мужа.

Я, Попович, Быковский и Беляев с той же печальной миссией поехали к жене полковника Серегина.

Дни прощания и похорон прошли словно в тумане...

Попросили выступить по телевидению. В этом выступлении нужно было ответить на главный вопрос, который задавали многие: «Нужно ли было Гагарину летать, мог ли он этого не делать?» Я ответил: «Гагарин не мог не летать, для него жить — это значит летать. Вопрос: нужно ли летать космонавту, звучит неестественно. Это все равно что спросить: нужно ли пловцу плавать, моряку выходить в море, а человеку ходить. Не каждый летчик сможет быть космонавтом, но космонавт не может не летать».

День и ночь работает аварийная комиссия. Пришло сообщение: «Удалось извлечь двигатель самолета, основную часть передней кабины и много деталей. Установлено, что при падении и ударе его о землю он был в основном цел (фюзеляж, двигатель, крылья, хвостовое оперение, подвесные баки, управление), потом разрушился на мельчайшие обломки. Обнаружен бумажник Гагарина. В нем удостоверение личности, права шофера, 74 рубля денег, фронтовое фото Сергея Павловича Королева...»

Прощаться с погибшими идут тысячи москвичей.

Предполагалось, что доступ к урнам будет прекращен в 9 часов вечера. Но сделать это оказалось невозможным, поток людей не прекращался до самой ночи...

Я и космонавты пришли в квартиру Гагариных. Валентина Ивановна встретила нас в кабинете Юрия Алексеевича: здесь все оставлено так, как это было утром 27 марта, когда хозяин кабинета ушел отсюда, чтобы больше уже никогда не вернуться. Мы подробно рассказали Валентине Ивановне о наших планах увековечения памяти Юрия Алексеевича. Валя внимательно нас слушала, она не плакала, но не проронила ни одного слова и только легким кивком головы одобрила наши предложения.

Обращаясь к ней, я сказал: «Валя, ты лучше других знаешь наши отношения с Юрием: для меня он был дорог, как сын, все мы потрясены свалившимся на нас горем, скорбь наша по лучшему другу и товарищу останется с нами навсегда. Мы понимаем всю беспредельную тяжесть

твоей утраты, утешить тебя нельзя, и мы не будем пытаться это делать, но мы просим не забывать о своем здоровье, о ваших с Юрием детях. Ты обязана жить ради памяти Юрия Алексеевича и для того, чтобы воспитывать дочерей Гагарина достойными их славного отца...»

Взволнованно говорил Леонов, Титов и другие космонавты. Мы поклялись Валентине Ивановне, что память о Юрии Алексеевиче Гагарине для нас будет священна...

Его именем названы города, проспекты и площади, академия и пионерские дружины, предприятия и корабли. Продолжая начатое им дело, во Вселенную отправляются новые космические экспедиции, обучающиеся в Центре подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина. Но, пожалуй, не менее важно, что его удивительная судьба является для нас своеобразным камертоном, по которому мы сверяем свои дела, поступки, мысли. И неудивительно, что все поколения советских людей говорят и будут всегда говорить с гордостью: «Наш Гагарин...»

ОН ПЕРВЫЙ СМЕРИЛ ЖИЗНЬ ОБРАТНЫМ СЧЕТОМ

Это была часовая кассета. На обложке — его портрет. Перед полетом космонавтов, как правило, спрашивают, какие магнитофонные записи хотели бы взять с собой на орбиту. Мы с Юрой Романенко, не задумываясь, ответили: песни Владимира Высоцкого. Нам достали кассету. Не думал, что у нее будет не совсем обычная судьба — ей довелось побывать с нами в самом длительном для той поры полете. Долгих три месяца (для 1978 года рекордных) нам предстояло провести в орбитальной станции. Трудно было предположить, как сложится полет: накануне стартовал экипаж, которому так и не удалось состыковаться со станцией, что создавало определенную психологическую нагрузку для нас. Мы готовились к тому, что легко не будет. Легко и не было...

На Земле после трудного дня, после работы в экстремальных условиях человек возвращается домой, в семью. Он может поговорить с близкими людьми. Их внимание, забота помогут выйти из стрессового состояния. Космонавты лишены возможности такого общения, и многие проблемы, неудачи они «переваривают» внутри себя.

Психологическая усталость как бы накапливается. И в этих условиях «живая речь» песен Высоцкого, их юмор приобретают для тебя особое значение. Ты включаешь магнитофон. Звучит его голос, слова... и они снимают с тебя какой-то груз, ты начинаешь улыбаться. В эти минуты ты чувствуешь радость жизни, что ты не оторван от Земли... Но у Высоцкого есть и другие песни. Они зовут взять ответственность на себя, стоять до конца. Первый раз перед выходом в открытый космос ты испытываешь то же, что солдат перед боем, — ты представляешь своей страны, она тебе поручила, и ты должен выдержать, несмотря ни на что. Песни Высоцкого в такие часы, как «локоть друга», придающий уверен-

ность. Поэтому естественно, что перед возвращением на Землю у нас с Юрием Романенко появилась мысль подарить Высоцкому «космическую» кассету в знак благодарности за поддержку.

На правах внештатного начальника космического почтового узла я взял кассету, вынул суперобложку, поставил штамп станции. Вместе с Юрой мы написали слова благодарности Высоцкому, расписались и уже хотели положить кассету в мешочек для спуска на Землю, но одна мысль нас остановила: песни Высоцкого поддерживали нас, а ведь вскоре на станцию прилетят наши товарищи. Им предстоит быть в космосе дольше, и у них будет трудная задача. Почему мы лишаем их поддержки? Словом, осталась кассета на борту, а на Землю спустили только коробочку с суперобложкой.

Я подарил ее Высоцкому после спектакля в Театре на Таганке. Он был растроган, сказал, что хочет понять нашу профессию, что пока он знает о ней немного. Помню, я заверил его, что встретимся еще много раз и поговоримся вдоволь. Много не удалось. Ему оставалось жить всего два года...

Владимир Семенович говорил, что мало знает нашу профессию. Но у него уже была «Поэма о космонавте»: с тонкими психологическими ощущениями, точными деталями и образами. Ее удалось обнаружить лишь летом 1987 года. Конечно, важно, что она увидела свет. Но ведь мощный гуманистический заряд, который несет поэма, был нужен значительно раньше. В те самые 70-е годы. Но тогда, с одной стороны, у него было всенародное признание, с другой — ни тиражей пластинок, ни книг. Кому-то казалось, что многие его песни чересчур критичны, с «душком», подтекстом. Его критика не была злоградской, даже если он что-то высмеивал, она всегда была через боль его собственного сердца. Он не стоял в стороне и не зубоскалил. Он был в гуще людей, страдал сам и понимал страдания других. И героем его песен был не «блатняга», не отрицательный тип, как иногда пытались представить, а человек, остававшийся человеком в самых критических обстоятельствах. Всегда честным, мужественным, настоящим гражданином. Мужчине необходима трудная профессия. Но в застойные годы произошла переоценка ценностей. У многих они сменились. В творчестве Высоцкого ценности не упали в цене. Его положительные герои, которых он любит и которых он хорошо чувствует, — летчики, подводники, солдаты Родины.

Кто-то считал, что Высоцкий чернит многое зря, а ведь он чернил лишь то, что было не только черное — грязное. А вот то, что многие уже перестали рассматривать как передовое, зовущее, героическое, он, наоборот, чувствовал и воспевал.

И когда появились разговоры о том, что те полеты в космос — «легкий хлеб», быстрая дорога к наградам, к славе, Высоцкий написал поэму о космонавте. Она антипод не только бравурным газетным статьям, но и всей космической поэзии. Еще должны были пройти годы, прежде чем стали вести прямые трансляции со старта космических кораблей, общественность узнала, что случаются взрывы ракетополетителей, а космо-

навтов в корабле в последние секунды отбрасывает система аварийного спасения.

Вот первые строчки поэмы: «Я первый смерил жизнь обратным счетом...»

В самом деле, когда мы куда-то идем, мы начинаем считать километры — первый, сотый... Когда мы что-то делаем, смотрим на часы — час прошел, два... И только у космонавтов идет обратный счет. Садимся в корабль, значит, осталось два с половиной часа. Проверяем герметичность скафандра — два. Закрываем остекление скафандра — остается пять минут. Вот он, обратный счет. Кажется, никто из нас, космонавтов, и я в том числе, не сумел бы так емко сказать о своей профессии. А у него первая строчка — «Я первый смерил жизнь обратным счетом». И надо сказать, «обратным» мерять тяжелее, чем «прямым». Потому что, когда осталось два часа, остался час, осталось пять минут, — ты даже не знаешь, до чего. И когда за две минуты до старта взорвалась ракета, это и говорит, что такое обратный счет, к какому финалу он может вести...

И далее:

Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.
Я затаился и затих, и замер.
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг...

Помню одно из своих обследований в барокамере. В экипаже двое. Откачивается воздух, падает давление, становится меньше кислорода. Неожиданно мне по радио кричит врач, наблюдающий за экипажем с помощью телевидения: «Держи». Я смотрю на себя и не понимаю, что держать. «Товарища держи!» Смотрю, а товарищ падает. Тут же аварийный спуск барокамеры, от быстрого изменения давления, как удар по ушам... Врываются врачи... Один из них говорит мне: «Сегодня барокамеру можно больше не проходить, а перенести ее на следующий день. Все-таки была нештатная ситуация». Я настаиваю: «Буду проходить сейчас». И вновь откачивается воздух. Я смотрю, а у меня в глазах туман. Думаю, дурак, зачем рискнул. Нужно было пойти отдохнуть. Может быть, на меня повлиял этот «спуск» и меня сейчас «забракуют» за мою же лихость? А врач, наблюдавший за мной, понял, что происходит, и спрашивает: «Ты чего? Туман?» Я говорю: «Туман». А он: я, мол, видел, что ты хорошо перенес «быстрый спуск» и дал просто быстрый подъем, и поэтому туман в барокамере, а не у тебя в глазах... В общем, пережил я много. А товарища увели, и дорога в космос для него оказалась закрытой...

Хлестнула память мне кнутом по нервам,
В ней каждый образ был неповторим:
Вот мой дублер, который мог быть первым,
Который смог впервые стать вторым,
Пока что на него не тратят шрифта —
Запас заглавных букв на одного.
Мы с ним вдвоем прошли весь путь
до лифта,
Но дальше я поднялся без него...

Долгое время о дублерах писать как-то стеснялись. Если не брать наши международные экипажи, о которых сообщала вся мировая пресса, то только в 1987 году впервые объявили фамилии дублеров длительной космической экспедиции.

Я много раз был дублером. Не раз проходил полный курс подготовки к полету. Высоцкий очень точно почувствовал: «Мы с ним вдвоем прошли весь путь до лифта». А ведь путь до лифта-то не та дорожка по красному ковру после возвращения. Путь до лифта — это те же барокамеры, те же самые центрифуги. «Но дальше я поднялся без него» — все, дублер исчезал. Надо сказать, что это было тяжело. До лифта были еще равные люди, а еще один шаг — в лифт, и уже один известен на весь мир, а другой, равный, а может быть, лучше (как Гагарин со свойственной ему широтой души говорил о Титове — мол, он лучше и поэтому его сохранили для более трудного полета), а потом он превратился в невидимку, в никого. Помните, даже когда мы видим снимки Гагарина в автобусе, то Титова как будто случайно кто-то закрывает своим корпусом, чтобы его не было видно. Представьте себе самочувствие человека, который был равным, а через шаг он не только не равный, не только не второй, а вообще никто — на время, а бывало, и навсегда. Что и говорить, переносить такое нелегко. И то, что это так тонко уловил Высоцкий, просто поражает. А мне он говорил: «Я так мало знаю о вашей профессии...»

И еще об одном. Иногда приходится слышать, что, собственно, Высоцкий сделал? Ну, утверждал гласность тогда, когда она не приветствовалась. А сейчас все говорят об острых проблемах, промахах, вскрывают недостатки, и Высоцкий бы сегодня просто потерялся. Мол, он был хорош для своего времени. Решительно не согласен с этим. Думаю, нам и сейчас не хватает Высоцкого точно так же, как его не хватало нам тогда. Перестройка — это революция, а революция — это дело, не терпящее приставки «полу», здесь не может быть полугласности, полудемократии, полухозрасчета и т. д. Здесь все должно быть честно и на особом накале. И вот, мне кажется, никто, как Высоцкий, сейчас не смог бы вскрыть то, что называется механизмом торможения. Мы открываем газету — на заводе идет брак, хотя и перестройка. Сервис отстает, по-прежнему нет достатка продуктов, хотя перестройка. Примерам несть числа. В чем дело? В силах торможения. Говорят: а покажите эти силы торможения, кто против перестройки? Никого. Тут нужен был бы

опять Высоцкий, чтобы он как на ладони показал того, кто невидим. Его поэзия повела бы в бой...

Когда решали, какой ставить памятник Владимиру Высоцкому, оказалось, что и тут возникли какие-то бюрократические препоны — вроде он выше, чем «положено по инструкции», — космонавты присоединили свой голос к тем, кому была дорога память о народном поэте.

В завершение главы я хотел бы полностью привести «Поэму о космонавте» В. Высоцкого, тем более что она пока мало известна широкому читателю.

Я первый смерил жизнь обратным
счетом.

Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.

Я затаился и затих, и замер.
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.

Сейчас я стану недвижим и грузен,
И погружен в молчанье, а пока
Меха и горны всех газетных кузен
Раздуют это дело на века.

Хлестнула память мне кнутом по
нервам,
В ней каждый образ был неповторим:
Вот мой дублер, который мог быть
первым,
Который смог впервые стать вторым.

Пока что на него не тратят шрифта —
Запас заглавных букв на одного.
Мы с ним вдвоем прошли весь путь до
лифта,
Но дальше я поднялся без него.

Вот тот, который прочертил орбиту,
При мне его в лицо не знал никто.
Я знал: сейчас он в бункере закрытом.
Бросает горсти мыслей в решето.

И словно из-за дымовой завесы
Друзей явились лица и семьи.

«Не виноват!»
Но слово «невиновен» — не значит
«непричастен», —
Так на Руси ведется уже
с давнишних пор.
Мы не тянули жребий, — мне
подмигнуло счастье,
И причастился к звездам член партии,
майор,
Между «нулем» и «пуском» кому-то
показалось,
А может — оператор с испугу записал,
Что я довольно бодро, красуюсь даже
малость,
Раскованно и браво «Поехали!»
сказал.

НА ОДНОМ КОРАБЛЕ

Америка без фонарика и с фонариком

Нью-Йорк и Вашингтон не отражают американского национального характера. Они интернациональные города. Кто хочет глубже узнать американцев, должен побывать в сердце Америки, например, проплыть по Миссисипи. Это как у нас по Волге....

Август 1986 года. Кажется, уже сломан первый лед в отношениях между двумя великими державами. Группа сторонников мира летит в США. Как нас встретят?

Самолет идет на посадку. Красивая стюардесса приглашает к выходу... В аэропорту нас «встречают» представители антисоветской группы «Ля руш». Красочные плакаты типа: «В СССР — 256 миллионов человек живут в лагерях КГБ» и еще ряд других. И хотя пассажиры, спешащие на посадку к самолетам или к стоянке автомобилей, не обращают на эту группу с плакатами никакого внимания, нас такая встреча задевает. Ведь, казалось, первый лед уже сломан?!

Приезжаем в отель. Включаю телевизор, первая попавшаяся программа. Идет фильм, в котором советский консул в Америке представлен круглым дураком. Эта антисоветская лента нелепа. Переключаю телевизор на другую программу. Здесь кадры похлеще — советские солдаты убивают американских детей. От увиденного возникает какое-то чувство безгласности. А ведь смотрите — случайный день, случайное включение телевизора.

Настроение в тот вечер упало до самой низкой отметки. Впереди — плавание по Миссисипи, встречи в маленьких городках Америки,

а это значит — надо доказать американцам, что мы не звери, не идиоты, что не ходим в лаптях... То есть надо готовиться разбивать стереотипы, навязанные американским людям прессой, кино, телевидением. Как нелепо доказывать, что мы такие же, как они, не хотим войны и также любим детей...

И вдруг спустя несколько дней такая картина: темная река, ночь. Впереди показывается плотина. Наш теплоход входит в шлюз. Вся советская делегация прильнула к борту. Спать не хочется — все-таки первая ночь в нашем путешествии по Миссисипи. Замечаем, что у шлюза, на берегу стоит много людей. Они машут руками в лучах прожекторов. Оказывается, это приехали американцы из ближайших городков. Они приветствуют нас, поют, выкрикивают на неправильном русском языке: «Здравствуйте», «спасибо», мэр одного из городков вручает мне ключи от города...

С каждой встречей мы лучше узнавали американцев, а они нас. Мы имели возможность познакомиться с их жизнью как бы изнутри. Это делали с помощью своеобразной лотереи. Каждый член нашей делегации имел номер. Он был нарисован на большом значке, который прикалывался к одежде. У меня был номер пять. Когда мы прибывали в какой-то порт на берегу Миссисипи, я искал глазами среди встречавших жителей ближайшего городка человека, у которого на груди был такой же номер. Этот американец отвозил меня в свою семью. Он показывал свой городок, потом устраивал небольшой прием. Как правило, на этот ужин приглашалось много гостей: родственников, соседей, знакомых. Они расспрашивали меня о жизни в СССР, рассказывали о своей. Так мы узнавали Америку. Где-то восхищались ею, в чем-то не принимали. И вспоминали свой дом...

Из многочисленных американских телепередач следовало, что каждый советский человек должен обязательно хотеть остаться в Штатах. И, как мы потом узнали, с нашей группой из сорока сторонников мира «путешествовал» офицер по эмиграции. В госдепе, видимо, думали, что наверняка кто-то из нас захочет остаться в свободной стране — Америке.

За долгие годы «холодной войны» у многих американцев выработалось представление, что чуть ли не каждого русского сопровождает работник КГБ, а его жена и дети как заложники во время поездки сидят в тюрьме. И особенно в первые дни нашего мирного похода по Миссисипи американцы пытались отыскать среди нас разведчика. Больше всех доставалось переводчикам. Спустя полтора года, в феврале 1988-го, когда я был вновь в США, то заметил, что «КГБ-мании» у них все-таки не поубавилось. Со мной произошел такой случай. Во Флориде была запланирована пресс-конференция. Помогать мне должен был переводчик, правда, не советский, а американский, такой молодой парень, выходец из Румынии. На эту пресс-конференцию он очень неосторожно пришел в черном кожаном пиджаке. А один из многих бытующих стереотипов в США — это то, что наши чекисты обязательно ходят в черных кожаных пиджаках. И неудивительно, что первый вопрос американского те-

левидения был такой: «Скажите, а человек, который переводит, из КГБ?» Я отвечаю: «Этот человек ваш, американец, и десять лет живет в вашем городе, а я его вижу второй раз. Сегодня утром, когда он мне представился, я тоже спросил его: «Скажите, а вы не из ЦРУ?»»

Журналисты ответили мне дружным хохотом. Пресс-конференция прошла хорошо.

Хочу еще раз подчеркнуть — для взаимопонимания наши встречи в семьях дали больше, чем митинги. Тысячи американцев увидели, что у нас много общих проблем: старшее поколение не всегда понимает молодых, молодые — старших, и никто не хочет войны. И дело даже не в проблемах, — мы вообще очень похожи. Показательна такая сценка. Один из американцев, по-моему, в штате Айова, который встречал наш корабль, видел, что на пристань по трапу спускается большая группа людей. Переговариваются о чем-то, улыбаются друг другу. Кто в джинсовых рубашках, кто в строгом костюме... Люди шли, но американец никак не мог увидеть русских. Потом он понял, что уже идут последние, и бросился к администратору с вопросом: «А русские-то сойдут?» Тот ответил: «Так сошли уже». У американца глаза округлились: «А что, русские такие же, как и мы?»

Наше общение лучше помогло понять американцам и самих себя. Скажем, с нами на корабле были представители нескольких организаций борьбы за мир. Нас тогда удивляло, что если в Союзе движение за мир объединено Советским комитетом защиты мира, то в Штатах, наоборот, много мелких организаций борцов за мир, причем достаточно разобщенных. Американцы нам говорили: мы не можем объединиться, у нас разные платформы. Если же такое слияние искусственно осуществить, то люди просто разойдутся, ведь у них разное отношение к проблемам. А когда американские сторонники мира во время нашего плавания услышали, что говорят их сограждане на встречах, то к концу поездки сказали: мы недооценивали свой народ. Думали, что мы слишком прогрессивны и народ не понимает нашу борьбу за мир, что нам трудно всем объединиться, а оказывается-то, наш народ ушел вперед... Мы лучше осознали настроение всего американского народа, который стремится жить в мире.

В своих выступлениях о проблемах мирного космоса я хотел говорить о бесполезности программы «звездных войн» и вообще об аморальности размещения оружия в околоземном пространстве. Я собирался высказывать свои собственные взгляды, был настроен на спор, на приведение доводов, на долгие разговоры и т.д.

И вдруг во время одной из встреч ко мне подходит американский мальчик и дарит на память фонарик (у них есть такое движение с фонариками с надписями: «За мир»). На том, что мне подарили, было написано: «Мы против «звездных войн». Земля — это наш общий космический корабль».

Этот фонарик я сохранил на память, привез в Москву. Вот как бывает — я готовился доказывать, спорить, мне казалось, мою точку зрения

мало кто разделяет, а тут ребенок разрешил многое. Единственное, чего не могу понять до сих пор, почему ребенок в США осознает, что мы на одном космическом корабле, который называется Земля, и нам нельзя развязывать на нем войну, а некоторые руководители США — нет...

Что касается людей с антисоветскими плакатами, то после аэропорта они встретились нам еще раз два. Причем уже во время нашей первой официальной остановки на Миссисипи, когда нас встречал духовой оркестр, приветствовали школьники, одетые в футболки с надписью «Я люблю русский язык», группа с плакатами стояла уже в стороне, явно не вписываясь в атмосферу общей доброжелательности и искренности. В следующем городке эта группа заметно поредела. И мы заметили, что это были те же самые люди, что и в аэропорту. Впрочем, скоро исчезли и они. А через полтора года — в феврале 1988-го — нас уже не встречали антисоветские лозунги.

«Мы не вели пустых разговоров»

Это была необычная поездка. Его инициатор — общественная организация «Советско-американский центр за диалог», который возглавляет сорокалетняя Рама Вернон.

Она несколько раз приезжала в Советский Союз. Ей тогда не понравилось, что она встречается с ограниченным кругом людей, занимающихся проблемами защиты мира в СССР почти профессионально. И мисс Вернон сказала: я хочу, чтобы как можно больше русских встретилось с простыми американцами. Вернувшись в Штаты, она дала объявление в газетах: «Американцы, если вы хотите встретиться с русскими, то напишите мне, и мы пригласим русских, и вы придете на эту встречу. Я прошу также внести деньги. Чтобы такая встреча состоялась, нужны средства».

И вот простая домохозяйка, проявив великолепные деловые качества, собрала деньги и организовала настоящий форум, в котором участвовали около ста человек из СССР и почти четыреста из США.

Об американской деловитости написано много. Бытует даже стереотип, что их деловитость означает идеальный порядок везде — от промышленных предприятий до общественного транспорта. Все работают как винтики отлаженного механизма. На самом деле это не так. И у них довольно сбоев и досадных промахов. Даже в аэропорту Кеннеди, куда мы прилетели в этот раз, нам долго не могли предоставить автобусы, потом была путаница с нашим багажом, позднее сложилось с размещением в гостинице. И тем не менее у всех советских участников осталось ощущение великолепно организованного форума мира.

Мне кажется, американская деловитость — это их отношение к труду. Работа возведена в ранг культа. Я говорю не о миллионах, хотя и у них есть свои проблемы, а о большинстве американцев, которые работают и живут на свой заработок. В среднем они получают больше, чем мы, но и платить им приходится дороже — и за квартиру, и за об-

служивание, и за лечение. Многие вообще живут всю жизнь в кредит. Выход один — работать на высоком профессиональном уровне, а иногда и до седьмого пота.

Помню свою встречу с американским фермером. Дела у него шли довольно успешно, хотя соседние с ним фермеры разорялись. Я поинтересовался: «Скажите, в чем ваш секрет? Почему соседи разоряются, вынуждены продавать фермы, уходить в город, искать там работу, а у вас все в порядке? Если это профессиональный секрет, который нельзя разглашать, — не говорите».

В ответ он улыбнулся: «Дело в том, что я родился на этой ферме. Знаю каждый клочок своей земли. Что на ней может расти, какие почвы, каких и сколько требуют удобрений, особенности микроклимата. Секретов, как видите, немало, и они позволяют нам сводить концы с концами...»

Поинтересовался, сколько у него наемных рабочих. Его ответ меня удивил — наемных рабочих не было. Сам фермер, два его сына и зять. Вчетвером они управлялись с очень большой фермой. У них было несколько тракторов, комбайнов. Около сорока коров, свиньи, лошади. Но они справлялись с этой прорвой дел, хотя жили трудно, крупными счетами в банке похвастаться не могли. Удерживались «на поверхности» только потому, что знали досконально свой участок и привыкли работать от зари до зари.

После встречи с американским фермером я лишний раз убедился в том, что один из факторов успеха перестройки нашего сельского хозяйства — внедрение семейного подряда.

Кто-то мне может возразить: это возврат в прошлое, такая «персонализация» земли воспитает индивидуалистов, если не кулаков. Это чуждо советскому коллективизму. Могут в пример и Америку привести. Мол, там каждый за себя. Что происходит с соседом, такому индивидуалисту наплевать, это не его дело.

Позволю себе с таким мнением не согласиться. Вспоминаю такой эпизод. Как-то стою в небольшом книжном магазинчике и ищу книги Грэма Грина (очень люблю этого английского писателя, собираю его библиотеку). Маленький магазинчик, один продавец и я — иностранец, просматривающий книги. Вдруг продавец срывается с места и на бегу мне кричит: «Подождите, пожалуйста!» Причем бежит так быстро, что стало ясно — что-то случилось. Поскольку магазинчик маленький — стены с книгами стоят прямо на тротуаре, я решил, продавец увидел, что кто-то украл книгу, и побежал догонять похитителя. Проходит несколько минут, он возвращается.

Я спрашиваю: книгу украли? Он отвечает: «Нет. Мне показалось, что кто-то звал на помощь...» Вот тебе и привычный стереотип. Владелец бросает своей магазин, в котором находится неизвестный ему человек, иностранец, и бежит, так как ему показалось, что кто-то звал на помощь...

Впрочем, я коснулся темы американской деловитости ради другого. Мне хотелось бы подробнее рассказать, как была организована наша встреча с американскими активистами за мирное сотрудничество с СССР.

Сначала о заседаниях, которые проводились. Было восемнадцать групп. Они обсуждали, например, такие проблемы: «Изменения в СССР и США. Вопросы глобальной безопасности. Поиск общих решений», «Советско-американские проекты по отношению к третьему миру», «Психология социальных изменений», «Права человека. Поиск совместных решений», «Религия, атеизм и духовность». Обсуждался и ряд проблем освоения и использования космического пространства. В этой группе я был сопредседателем с американским астронавтом Брайаном О'Лири (он, правда, тогда еще в космос не летал) и представителем Института по безопасности и кооперации в космосе — Карел Розин.

Как видите, спектр тем весьма обширен. Но любое, даже очень хорошее дело можно провалить, если оно будет плохо организовано. Наша работа была расписана заранее. На заседания отводилось полтора часа, перед каждым заседанием ставилась конкретная цель. Например, первая встреча — обмен проектами. Вторая — подготовка докладов. Третья — отчет, одна страничка, куда входил обмен идеями, адресами, телефонами, возможными источниками ассигнований, фамилиями тех, кто может быть еще привлечен к реализации проекта. Эта формализованная информация тут же вводилась в компьютер, и он на следующий день выдавал распечатки, по которым сразу можно было определить, какая группа чем занималась, что решила.

Сначала ни мы, ни даже американские сторонники мира с таким «компьютерным» подходом никак не могли освоиться. Настолько это было необычно. Но опыт такой работы пришел довольно быстро. И нам многое удалось сделать просто в считанные дни. В нашей космической группе было разработано двадцать проектов.

Мы не вели долгих пустых разговоров. На выступления отводилось две минуты! Итоговые формулировки проектов писались на больших листах-плакатах, и каждый мог внести свою поправку. Кто-то формулировал идею, кто-то ее дополнял и уточнял, и мы быстро приходили к общему решению. Продуктивность четырех дней была просто потрясающая. Я думаю, нам следует этому поучиться. Надо уходить от многочасовых заседаний с чтением докладов по бумажке, с заранее записанными выступающими. Необходимы деловые минутные выступления, без заранее подготовленных докладчиков. Жесткий лимит времени, формализация отчетности, передовая техника обработки информации. Такой подход диктует и наша перестройка.

Какие проекты обсуждались в области космоса? Вот, например, один из уже ставших реальностью. Обмен студентами, школьниками, которые посетят Центры подготовки космонавтов двух стран. И еще проект. С нашей станцией «Мир» состыкуется специализированный орбитальный модуль. Помимо советского оборудования, на нем будет

установлена и американская техника для проведения биотехнологических экспериментов. То есть ученые двух стран объединяют свои усилия для разработки новых лекарств, потом вместе их испытывают и в конце концов используют. Может быть, это будут противоопухолевые препараты, вакцины от СПИДа? А ведь такую космическую программу можно реализовать буквально за два года.

Мы обсуждали возможность запусков советско-американских спутников связи для третьих стран, а также совместные космические исследования природных ресурсов планеты. Насколько серьезен был наш подход, свидетельствует и название одной из секций: «Коммерческая основа деятельности в космосе». Мы поставляем, скажем, свои ракетопосылители, американцы — сложную электронную аппаратуру, новейшие технологии. Фактически без вложения дополнительных ресурсов каждый из нас значительно бы продвинулся по пути исследования Земли и Вселенной.

В сфере наших интересов был и весь комплекс проблем далекого будущего: от возможностей поисков внеземных цивилизаций до освоения Луны, Марса, астероидов, то есть тех проектов, которые будут реализованы уже в следующем веке.

Свое выступление на пленарном заседании я посвятил, в частности, исследованиям озонового слоя Земли. Он защищает планету от солнечной коротковолновой радиации. Сейчас этот слой убывает. Над Антарктидой в этой «защитной пленке» появилась дыра размером с Американский континент. Если мы будем и дальше так же «хозяйничать» на Земле, озоновый слой может совсем исчезнуть и мы будем вынуждены жить под землей, как кроты, независимо от национальностей. Значит, нужны совместные исследования. Американцы эту точку зрения приняли.

Тут нельзя не отметить, что, хотя с моей предыдущей поездки в США прошло не так много времени, с точки зрения политики, расстояние было пройдено значительно большее. Подписание советско-американского договора о ракетах средней и меньшей дальности в Вашингтоне словно открыло народам глаза: мы можем договориться! Взаимно соглашаясь, что война хуже, чем мир, тем не менее мы раньше к партнерству особенно не стремились — как-то побаивались друг друга, не доверяли. Теперь ситуация изменилась, о советских проектах стали говорить всерьез: когда они могут быть осуществлены, сколько будут стоить? Конгрессмен Торичелли, например, внес законопроект о совместном пилотируемом полете на Марс. Выступая в конгрессе, он сказал, что это сэкономит и Советскому Союзу, и Америке по 10 миллиардов долларов.

События с каждым днем нарастали стремительно, и мне показалось, что-то изменилось даже за одну последнюю неделю нашей поездки. Например, получение разрешения для такого благородного дела, как возложение цветов к монументу погибших астронавтов на Арлингтонском кладбище, сначала потребовало почти пять дней, а потом НАСА

предложило мне ознакомиться с американским космодромом. И показали даже то, что обычно туристам не показывают.

Или такой факт. Американские астронавты долго не выходили в конгресс США с идеей о совместном полете. Им казалось, чего обращаться, наверняка откажут. А вышло все наоборот: сами конгрессмены пригласили советскую делегацию и сказали: «Мы провели опрос, 70 процентов молодежи высказывается за совместный полет. Поэтому мы думаем, что лететь на Марс надо, и действительно вместе».

Сенатор Грин предложил обсудить возможность полета американцев на советском корабле, а советского человека — на американском. Услышав это, конгрессмен Торичелли заявил, что сам хочет полететь на советском корабле на советскую станцию. Республиканец, мол, недавно летал в космос на «Шаттле», а демократы не должны уступать ни в чем республиканцам. Поэтому он и хочет лететь в космос на советском корабле. Повторил он это трижды. И даже потом, когда мы попрощались, он послал вдогонку своего секретаря, чтобы тот сказал, что «конгрессмен не шутил, он действительно хочет лететь на вашем корабле».

И неудивительно, что в конце советско-американской встречи было сказано: мы закончили работу, но мы только начали работу. Теперь надо осуществлять эти проекты. А их, кстати, по всем направлениям дискуссий было принято около двухсот.

Как я попал в газету.

Отношение к СССР в Америке после декабря 1987 года изменилось. Это несомненно. Но это не означает, что теперь все процессы, происходящие в этой стране, надо воспринимать сквозь «розовые очки». Америку надо воспринимать такой, какая она есть.

Помню, выступал на одной пресс-конференции. Об этой встрече с журналистами в печати появились доброжелательные отзывы. Но не обошлось и без «липы». Одна газета, например, написала, что не зря всю ночь горело масло в осветительных приборах в Кремле, там для советского космонавта Гречко было написано прекрасное выступление.

Я думаю, сейчас американцы не поверят, что в Кремле нет электричества. А вот что нам в Кремле пишут речи, в такую ерунду кое-кто из американцев, особенно в глубинке, поверить может. И все же эту публикацию можно отнести скорее к разряду юмористических. А вот другая, в газете «Флорида тудей», носила просто провокационный характер.

Меня спросили, есть ли у СССР программа «звездных войн», аналогичная американской. Я ответил, что товарищ Горбачев в своих выступлениях уже касался этого вопроса. У нас нет программы «звездных войн». Американская газета меня переформулировала так: «Гречко сказал, что у Советского Союза есть программа «звездных войн». Такое сенсационное сообщение было помещено на первой странице «Флорида тудей». Там же находилась и моя цветная фотография на фоне пускового

комплекса «Шаттл», который задействован в американских военных программах.

Прочитав утром газету, я возмутился. Мое выступление состоялось при многочисленных свидетелях, записывалось в конце концов на магнитофон. А мне так легко вкладывают в уста дезинформацию.

Я обратился к американским сторонникам мира, которые слышали мою речь. Они сказали: «Это действительно безобразие, так все перевернуть, и это сделано не по ошибке. Ведь мы же помним, как вы объясняли: у СССР нет программы «звездных войн», в частности потому, что это неэффективная и дорогая программа. И если США все-таки реализуют такую систему, Советский Союз ответит на нее совсем по-другому. Вместо вашего обоснования газета поместила свой текст».

Вместе с американскими сторонниками мира мы стали писать опровержение во «Флориду тудей».

Я отнесся к этому делу очень серьезно, так как считал, что это сыграет свою роль и поможет узнать читателям правду. Американские сторонники мира меня быстро «вернули на землю». Это, сказали они, рядовой, многолетний, привычный трюк газеты. На первой полосе с фотографией они дадут дезинформацию. И, конечно, знают, что от вас придет протест. И самое интересное, что они его напечатают. Но не раньше, чем через две недели, да и только в виде маленькой заметки, что «на публикацию от такого-то числа пришло опровержение», и поместят все на последней странице газеты. А ведь, по оценкам социологов, американский читатель до последней страницы редко добирается. Поэтому такая фальшивка — давно отработанный прием американской прессы.

И еще об одном наблюдении. Я давно контактирую с американскими сторонниками мира. Знаком со многими из них, бывал в их семьях. Помню, в первой моей поездке в США больше всего поразило, что активисты — люди в основном пожилого, пенсионного возраста. Среди сторонников мира мало рабочих, это в основном интеллигенция. Помню, когда мы плыли по Миссисипи, то миновали одно из старейших в Америке мебельных предприятий. Там выпускается очень дорогая, красивая мебель. Все рабочие предприятия имеют необыкновенно высокий доход, и, как подчеркивали с сожалением американские сторонники мира, у них в основном два способа времяпрепровождения: телевизор и охота. А проявление гражданской активности для них, как говорится, «потеря времени». Но общественные процессы, которые сейчас происходят в Америке, сильны и многообразны. Это радует. Все больше молодежи, например, примыкает к движению за мир. В этом я убедился, выступая в нескольких университетах. Студенты, да и не только они, с интересом знакомятся с проблемой нашей перестройки, с идеями нового политического мышления. И это все позволяет смотреть в будущее с оптимизмом.

*Литературная запись
Александра НЕМОВА*

ГРЕЧКО Георгий Михайлович

СТАРТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Редактор А. Г. Панченко

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 04.05.89. Подписано к печати 06.07.89. А 08883.
Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать.

Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отг. 2,28. Уч.-изд. л. 3,09.
Тираж 150000 экз. Зак. № 589. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Ценные бумаги на предъявителя — СЕРТИФИКАТЫ

Сберегательного банка СССР

СЕРТИФИКАТЫ — выпускаются достоинством 250, 500 и 1000 рублей.

СЕРТИФИКАТЫ — предназначены для хранения денежных средств в течение 10 лет с выплатой дохода дифференцированно в зависимости от срока хранения. Суммы, подлежащие выплате, приведены на оборотной стороне сертификата.

При соблюдении 10-летнего срока хранения доход выплачивается из расчета 4% годовых.

СЕРТИФИКАТЫ — свободно продаются, принимаются на хранение и по предъявлении паспорта оплачиваются в любом филиале Сберегательного банка СССР. При оплате сертификата его владелец может приобрести новый сертификат или внести полученную сумму на любой вид вклада.

СЕРТИФИКАТЫ — удобная форма долговременного хранения денежных средств.

Убедитесь в этом лично!